

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

АМШГО

Пьеса в двух действиях.

г. Екатеринбург
2001 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НИНА – 33 лет

АРКАДИЙ, муж Нины – 50 лет

КОСТЯ – 23 лет

СОФЬЯ КАРЛОВНА, бабушка Кости – 70 лет

ЖАННА, её дочь, мама Кости – 50 лет

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, их сосед – 70 лет

ПАША, приятель Кости – 16 лет

ТАПЁР

Коридор и кухня старой двухкомнатной квартиры.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

На углу у светофора – пекарня. Пахнет хлебом. Мальчики-хлебопёки в белых шапочках, белых рубашках и штанах сидят на крыльце, курят, смеются, руками машут. Им жарко в пекарне, вышли на мороз. Один даже рубашку снял, спина голая. Им что-то очень весело и они умирают от хохота.

Весна. То время в начале марта, когда начало капать с крыш, но еще холодно и по колено снега. Двухкомнатная квартира в центре города, на первом этаже, в старом доме - высокие потолки. Дом врос в тротуар, окна наполовину в земле - видны ноги прохожих. Ноги шаркают туда-сюда, раздражают. За окнами - пешеходный переход. Женщина в грязном рваном пальто и старик в инвалидной коляске ждут, когда на светофоре загорится зеленый человечек-дурачок в шляпе и все переходят улицу, и тогда женщина толкает перед собой коляску к стоящим у «зебры» машинам. Старик показывает руки-обрубки, и кто-то, сердобольный, открывает окно машины, протягивает женщине деньги. Другой торопится, кидает мелочь из машины на асфальт. Подобрал и пересчитав копейки, старик и его напарница опять ждут на тротуаре, мёрзнут, опять едут, и так - очень долго, снова и снова. Им холодно.

От дома через дорогу, через переход и дальше, куда-то во дворы, к пустырю, на котором стоит погнувшийся столб с фонарём, идёт широкая полоса дымящейся паром земли. Там, где асфальт - она сухая, а где пустырь – на ней трава зелёная. Снизу - теплотрасса, вот потому сухо и тепло в этом месте, от того пустырь и дымитесь. Будто идёшь-идёшь по морозу и входишь в лето: вокруг снег, а тут - бабочки летают, жёлтые одуванчики, трава, листья.

Коридор в квартире широкий. Если идти от входной двери, то справа - квадратная комната, потом ещё одна такая же, потом – поворот на кухню, такую же большую и квадратную. В коридоре две двери: в туалет и в ванную. За дверью в кухню стоит пять штук знамён - разных цветов и с разными рисунками и лозунгами.

На противоположном тротуаре трактор-«жук» чистит снег, фырчит, и потому все в квартире говорят громко, но так, чтобы не разбудить того, кто спит на тахте в коридоре, накрывшись с головой одеялом – одеяло богатое, красного цвета. Поверх одеяла лежат, свернувшись клубком, три кошки – все разных цветов. Над тахтой - старинное зеркало в деревянном овале. Возле тахты на полу - чёрный телефон. Под потолком висит шар, оклеенный зеркальными кусочками. Шар крутится, когда кто-то идет по коридору или открывается какая-нибудь дверь – то ли сам по себе, то ли от некоего движения в воздухе.

Две больших и старых дворняги тоскливо блондают по квартире, оставляя то тут, то там куски шерсти – весна, линька. В квартире грязно – сто лет ремонт не делали. Все углы завалены барахлом, всё забито хламом, просто помойка: колёса от велосипедов, цепи, коробки, банки, доски, досточки, сломанные стулья, столы, продавленное кресло, панцирные сетки и спинки от железных кроватей, кучи белья, старые пальто, рамы и картины, провода, неработающие торшеры - помойка. Но для живущих в квартире тут нет бардака. Им всё нужно, они знают, где что лежит - им тут хорошо.

На кухне сад: в горшках, деревянных ящиках, в пластмассовых коробках, в бутылках из-под молака, в старых кастрюлях, в баночках из-под майонеза, масла, сметаны и в трёхлитровых стеклянных банках - миллион всяких цветов и растений. Есть и развесистая пальма, и длинный фикус, и даже маленькая берёзка и крохотная ёлочка. Всё тянется вверх, вьётся по стенам, по окну, свисает на стол и от того на кухне уютно. В других комнатах пыль, паутина, темно, а на кухне светло – под потолком три длинных неоновых лампы.

В жгучем, нестерпимом свете этих ламп вокруг стола на угловом диванчике сидят СОФЬЯ КАРЛОВНА, её дочь ЖАННА и ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. У Жанны рука сломана - на перевязи и в гипсе. Жанна в старом шёлковом халате с райскими птицами на спине – халат еле дышит, вот-вот по швам поползет. У Софьи Карловны прическа, губы покрашены, но видно, что ей уж давно не шестнадцать. У Григория Ивановича за каждым ухом по сигарете – про запас. Он в синем стариковском берете набок. Вечер. Пять часов. Собаки долго лают. Спящий на тахте привык – спит, не шевелится.

ЖАННА. От так, Григорий Иваныч, жизнь проходит, жизнь кончается. Папочка мой помирал, так так и сказал: «Вот и вся», мол. Да, да, так и сказал. Ну, он хохол был и потому так сказал, а может, он от необразованности так сказал, но он так сказать сказал, а мы, мама мия, теперь думай, почему он, так сказать, так сказал, а не говорил другое. Но неспроста он так, главное, сказал: «Вот и вся». Ой, неспроста.

Встала, пошла в коридор, открыла дверь, знамёна падают на неё, одно сильно стукнуло древком по голове. Жанна ставит знамёна на место, вспоминает, куда пошла, возвращается, садится на место.

СОФЬЯ КАРЛОВНА (громко, Григорию Ивановичу). Я обезножела, я себе сделаю суицид, не

верьте, что я своей смертью умерла, только суицидом.

ЖАННА. Что, мамуль? Куда это я пойти сходить хотела?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся)*. В туалет личинку отложить? Гы-гы-гы.

ЖАННА. Да нет, уж сегодня была. Эти знамя, паразитство проклятое, падают и падают. Прибить их, что ли? А зачем? Бессмысленно. Уезжаем раз. Ну вот. Про что я? Я что сказала-то? Куда это я пошла хотела? Ага. Вот так сказал он. А что сказать хотел? А кто его знает теперь? У кого спросить? Какая инертрепация его слов? Бог весть. *(Плачет)*. Кто его теперь спросит, раз он помер, слатенький наш? Кто скажет? Да никто, паразитство проклятое. Не у кого спросить. Не у ко-го!

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся, наливает в стаканы)*. Го-го-го! Есть у кого! Возьмём на грудку? Налить?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Налить. Бог даёт, Бог берёт - вот и весь тебе сказ. Что к чему - остается загадкой для нас. Сколько жить, сколько пить - отмеряют на глаз. Да и то норовят недолить каждый раз.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Да нет, я всем одинаково.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Омар Хайям. На все случаи жизни - афоризмы и рубаи.

ЖАННА. Вот так папочка сказал, говорю.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Не ври. Ты да твой сынок - завиралки. Он вообще ничего не говорил, как помирал. Как язык проглотил от страху, что лапти склеивает. Молчки отъехал. И он был не хохол. Мы дворяне. *(Закурила)*.

ЖАННА. Я - солдат, мамуля – ефрейтор. А хохлы дворяны не были? Были! *(Стучит гипсом по столу.)* Были мы дворяны, мамуль! Ой, какие мы были дворяны, мамуль, ой-ой, а теперь вот что – ой-ой-ой! Мама мия, вот какие дворяны мы стали, ой-ой-ой.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Это всё - «тумбулянеже». Дворяны в коммуналках не живут. Пошли, возьмём на грудку.

ЖАННА. Вот как раз дворяны, Григорий Иваныч, в коммуналках и живут. Мы дворяны, да. Были, да. А теперь мы с мамулей корону-то с головы сняли, давно. Мы теперь только и ждём выборов, потому что знаем, что мы – агитаторы, расклейщицы, пикетчицы. Заработок, спасибо, кусок хлеба. А то ведь - что на жопе, то и в гардеропе. Нет прихода, мама мия, один расход, прости, Господи, чёрт побери, паразитство проклятое, ой-ой.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. По приходу и расход.

ЖАННА. Ну. А то мамуле ещё карандашом цветным напишу на листочке: «Афоризмы и рубаи на все случаи жизни». И стоим, как дураки, у книжного, продаём афоризмы мамулины. Ну, раз поэт, должна же быть востребованность у публики. Талант не зароешь, так? Так. Ну вот. То есть, на подножном корму питаемся. Берут афоризмы и рубаи иногда. Куда вот они народу – не знаю. Но покупают хорошо.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Возьмём на грудку или не возьмём?

ЖАННА. Ага, помянем Ниночку, семнадцать лет как раз завтра и как раз переезд, надо же, а? Вся жизнь пошла наперекосяк как раз. Ой-ой. От ударило по голове как, а? Тут дураком станешь. Прощайте, Григорий Иванович, уезжаем. А потом, мамуль, слатенькая ты моя, у нас разве коммуналка? Нет. У меня комната, и у тебя. А Костик хочет - спит в коридоре. Но мог бы и в своём этом экзотическом саду, тут. Такую квартиру отдаём за так! Ой-ой. Вот руку сломала. Как вертолёт она у меня. Ни вздохнуть, ни пёрнуть. А завтра переезжать. Надо идти на помойку к магазину, набрать коробок и складывать всё, а я не могу. *(Дальше говорит каждое слово отдельно, стуча гипсом по столу так, что кошки поднимают*

головы). Григорь! Иван! Ыч! Что! Нам! Дел! Ать?! *(Пауза)*. Не знаю, что делать. Давление ещё давит так страшно. Вероятно, парниковый эффект, отсутствие озоновой прослойки. Костя проснётся, так он, что ли, будет паковаться?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Он будет, ага.

ЖАННА. Ну, а кто тогда, мамуль?! Ты - талант, тебе - нельзя. Я больная, на вертолёте вон. Григорий Иванович, поможете? Сходим на помойку, возьмём коробочек штук несколько, ага? И загрузимся. Мы очень слабые с мамулей. Вот выпьем для храбрости и начнём, ага? Тут ведь только ворохны добро, столько подыметя. Не знаю, с какого бока торкнуться, заезжать, подобраться. Да ещё на троих всё добро делить надо. Как?! На троих – не делится.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Как раз на троих и делится. *(Поднял стакан)*. Это всё - «тумбулянеже». Ещё возьмём на грудку и начнём. Соня, Сонюшечка, да? *(Подмигивает Софье Карловне, поёт-мурлычет)*. Девочка моя-а, ласточка лесная-а ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Если подлый лекарство нальет тебе – вылей. Если мудрый подаст тебе яду – прими. На заметку вам всем это.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся)*. Проверим, вот я всем яду курарэ налил!

ЖАННА *(смотрит то на мать, то на Григория Ивановича)*. Мамуля умная. А память исключительная какая! Вот я взрослая уже, ага? А вот я мамулю люблю и прям боготворю её от отличие от некоторых многих людей, не будем конкретно показывать пальцем. Ой-ой. Мамуля как Хайяма любит. И сама пишет рубаи. Поэт наша мама. Поэт прямо. Мамуле давно надо компьютер или машинку печатную на худой конец, а мы всё вот так, от руки листочки. Я всё собираю. Мамуля напишет, кинет где, а я соберу. Мамуль, почитай нам ещё, а? Новенькое, может, есть у тебя? Прощание с родиной, с квартирой? Ну, что-нибудь просветвлённое, чистое, с грустинкой? Не сочинила ещё такое рубаи? Григорий Иванович, мама не читала вам свои рубаи?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся)*. Да читала сто раз, как нет-то. Гы-гы-гы. Читай, Соня, на прощание. Делать-то всё равно особливо не фиг.

ЖАННА. Да то-то и беда, что есть фиг, что паковаться надо, а мы поэзией увлеклись. Ой-ой. У нас ведь часто бывают разные люди, слушают мамулину поэзию. Она известна в определённых кругах. Но её зажимают, не дают ходу. Сегодня таланту практически пробиться невозможно. У неё недавно, лет пять как, озарение наступило.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Ага. Под старую задницу стишки сочинять стала. Шишли-мышли, сопли вышли. Сонечка наша. Гы-гы-гы.

ЖАННА *(помолчала)*. Прорезался талант и всё! Если он есть, его ведь не закопаешь. Мамуля вообще недалекий человек. В искусстве. Мамуль, читай своё? Выпей и прочитай.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Настроение надо. Так не пойдет. Только Хайяма могу.

ЖАННА. Ну давай его. Я так люблю с детства Хайяма в мамулином исполнении. Она его часто читала. Как выпьет и читает. Какой талант актёрский зарыли, гады! Читай, мамуль. А потом паковаться.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Потом. Таблетки приму вот. Сердце болит, сил нет.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся)*. Все болезни от нервов, одна только - от удовольствия.

ЖАННА. Какая? *(Тихо)*. Ну не пила бы, а, мамуль?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Ну да. Ещё скажи, умница. А зачем жить?

ЖАННА *(вздыхнула)*. Ну, вообще-то, правильно, мамуль. Философично. Я тебя понимаю.

Твою грустную тоску, так сказать. Выпьешь - и рай на земле, как говорил товарищ Хайям. Паковаться надо! Мама, не бросай меня. Ой, не бросай меня, мама. Да.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. А?

ЖАННА. Да так, нет. Девочки, мальчики, а? Мне что-то снилось. Забудем, а? Уезжаем. Куда?! *(Плачет)*. Забудемся, а? Споём тихохонько, а?

Поёт шепотом, высоким голосом. Со второй строчки подхватывают Софья Карловна и Григорий Иванович.

*Вспомни, мой ненаглядный! Как тебя я любила!
Мне казалось, что счастьем! Это ты, дорогой!
Неужель, моё сердце! Огонечек потушишь?!
Неужели тропинку! Ты ко мне не найдё-ёгоёёшь????!!!!*

Долго грустно молчат, едят, вздыхают.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся, кривой палец в воздух поднимает)*. Это вам не рубаи. Рубаи это - «тумбулянеже». А это вам серьёзно. Классические вещи это вам! Гы-гы-гы.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Бренность мира узрев, горевать погоди! Верь! Недаром колотится сердце в груди!

ЖАННА. Мамуля, стопори, а?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Не горюй о минувшем! Что было, то сплыло! Не горюй о грядущем! Туман впереди! Вот так вот вам.

ЖАННА. Да, да, мамуля, ой, туман сплошной впереди у нас, мы поняли уже посредством Хайяма. *(Плачет.)* Да, мамуля, думали мы, что тут будет музей поэта Софьи Карловны Сорокиной-Горюновской, а будет тут магазин или ресторан или чёрт-те что. Ой, ребята, это ужасно! Куда бедному крестьянину податься? Всё продали, всех выгнали, выселили, заселились, мы для них быдло проклятое, и мы – живи, как хотим, с голоду рабочий человек помирай ложись. Я думала - что, а оно – вышло как. Как жить простому человеку? Никак. Обдурачили, а? Хоть иди милостыню проси. Хорошо мы афоризмами кормимся, у мамы пенсия, да Гулькин нас содержит, а так бы мы - что бы мы?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Да бы мы ничто. Хорош, Борман. Гоу-шоу. Поехали. Возьмём курарэ на грудку. Гы-гы-гы.

Начинается долгая церемония с переливанием из стакана в стакан друг другу, с приговариванием: «Ой, нет, куда мне так много! Да вы меня спаиваете! Ой, перелила! Ой, разлила! Ой, мне чуточку!» Наконец, у всех поровну – подняли стаканы, выпили.

ЖАННА. Я на больничном. Мне много нельзя. Сейчас. *(Пошла в туалет)*.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Ненавидят меня. Сколько раз я принимала плачевные позы - нуль. Я в душе моюсь, он на кухне включит холодную воду, чтоб у меня пошла горячая. И сколько раз обжигал меня. Сходит в туалет, выйдет, протянет руку здороваться. Руки не моет, а специально здоровкается за руку. Такая семья дурная - чего-то ищут, чего-то теряют: то подушку, то губнушку, то книжку. И развели тут псарню, не продохнуть. Иезуиты! Я б хотела, чтоб она родила негритёнка, просила ж её – нет. Сейчас было б как хорошо с негритёнком. Он бы Пушкиным б стал. Я обезножела, мне тоску излить надо. Вот я на них участковому напишу, отнесёте?

ЖАННА *(пришла)*. Мамуль, ты чего?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Так. «Я кустарник, ветер ветки колышет ...»

ЖАННА. От, от, мамуля разродилась-таки. Это ведь твои рубаи? Давай, молодец! Ну-ка, еще раз, я не услышала? От, от, мамуля, давай, давай ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Не мешай. «Я кустарник, ветер ветки колышет, одиноко и грустно, стою в поле, ты не пришёл».

ЖАННА. Всё?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Всё. Мало?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. И за такие афоризмы плотют деньги? Покупают люди?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Именно за такие и плотют, уважаемый. Поэзия. Философия. «Платят» говорить надо. Ну да ладно, раз мы в валенках.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Я не в валенках, я напробоску, в тапках. А вы с детства заика?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Кто заика? Я заика? Я не заика. Вы почему это?

ЖАННА. Тише, тише! Ой, здорово, мама, мысль какая, главное, хорошая – я одинокая-преодинокая в степи. Есть в этом некая принципиальная актуальность, паразитство проклятое. *(Плачет)*. Ты пиши больше, в журнал в какой пошлём или в газетку. Денег нам отвалят кучу. Или вспомни, как раньше жилось. Вспоминания свои напиши. Вот так начни: «Вспоминаю: как сейчас помню ...» И чего-нибудь вспомни.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Вот, у меня напел афоризм. Мысль. Кошка за жизнь съедает бриллиантовое кольцо. А у вас – три. И две собаки.

ЖАННА. Да-а? Вот, мамуль, где они, наши бриллианты-то, закопаны, вот они где! Чичирка, Бабайка, Манюрка – чтоб вы сдохли. Они Костю любят, они с Костей спят. Пусть спят. Ой-ой.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Зачем у вас три кошки? Вонь, грязь.

ЖАННА. А пусть. Нам нравится, что их так много. Пусть. Я уберу.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Да зачем они нужны, погань эта, блохи, шерсть?!

ЖАННА. Они нам уют создают.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Да какой уют? Уют - занавески, ковры, хрусталь. Три бриллиантовых кольца они сожрали, сволочи.

ЖАННА *(молчит, смотрит то на мать, то на соседа)*. Вы опять, Григорий Иваныч, начинаете спорить, как в тот раз, когда мы вам вызывали «скорую». Хорошо, раз возник спор - по порядку разберёмся. Ну, хорошо. Куда я бы их всех три надела бы? В нос? Смешной вариант. Псевдонаучное истолкование фактов. Пусть живут. Вы знаете афоризм: приблудных кошек выкидывать нельзя?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Дак они все приبلудились? Ну-у-у. Рыбак рыбака.

ЖАННА. В смысле? *(Пауза)*. Опять вы, Григорий Иваныч, как в тот раз, ой-ой, так долго у вас тогда голова не заживала. Ладно. Я другое скажу: видите, Григорий Иваныч, мамуля у нас какая? Говорит с утра: «Жаннета, сходи к Григорию Ивановичу, позови попрощаться. Он ведь родной нам, пять лет назад сватался даже». Ну, что вспоминать. Неудача постигла вас тогда. Ну, не буду бередить раны, резать по живому и по больному, нет. Говорит мамуля мне: «Он хоть и затопил нас за последний год восемь раз и копейки нам не заплатил за этот вандализм, но всё ж таки надо его позвать, проститься по-человечески!» И я давай звать вас. Бутылочку приобрела. «Детскую», двести пятьдесят грамм. На свои на последние деньги. А денег, заметьте, нету у нас, паразитство проклятое. Одна мелочовка по карманам. Будто на паперти стояли. Ну вот. А ведь мы, Григорий Иванович, не здоровались давно. Но мамуля – главная тут, она сказала так, у меня огромное уважение к родоначальникам, так сказать, и я сделала, как она сказала. И вот вы тут.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(поправил берет)*. И вот я тут! Приказ! Вошь не укусит, не почешешься! Соня главный индеец в чуме. Чингачгук Большой Змей, ага? Гы-гы-гы.

ЖАННА *(помолчала, смотрит на Софью Карловну)*. Как буду коробки собирать, завтра переезжать – рука болит страшно. Вот вы настоящий сосед, Григорий Иваныч. Пришли проститься, всё пучком. А у вас хоть они разрешения спросили хоть делать тут ресторан

или хоть магазин? Им положено спрашивать.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Спросили, как нет. Они мне за согласие сделают решетки на окна. На все три. И железную дверь. И ремонт в квартире. Полный.

ЖАННА. Да-а-а?! *(Пауза.)* Вот вы как хорошо устроились, Григорий Иваныч, мама мия. Вы меня так введёте в импотирование. И ремонт ещё? Здорово. Умеют же люди жить, а мы, мамуля, с тобой вот – только рубайи сочиняем. *(Пауза.)* Я ведь думала – тут будет красненькая веревочка висеть, там будет веревочка висеть. Чтоб экскурсанты не заходили. И будут ходить экскурсии, смотреть музей. Письменный стол и так далее. Будут люди ходить, заглядывать за веревочку: а как они жили, как занимались творчеством? Экскурсовод лекцию ведет, а я приду, в сторонке встану, скромно постою, наши стены окину взором мутным, печальным, заплачу-заплачу вся и скажу: «Да царствие да тебе да небесное, да мамочка да ты да моя!» *(Неистово крестится.)*

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Я ещё живу. Ты чего это меня похоронила?

ЖАННА. Дак ты себя так плохо чувствуешь всегда, помирать собираешься?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Ну и что?

ЖАННА. Дак как музей будет, тебя уже не будет, поди? Я к тому, что живым музеев теперь не делают, только мёртвым? Ну ладно, ладно. Приду, встану и тихо скажу: «Да дай да тебе, да Бог, да здоровья, да мамочка да ты да моя!!!»

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Да ладно ты. Завыдумляла.

ЖАННА. Правильно. Чужую беду руками разведу, а вот свою ... Тут будет магазин и никаких красных бархатных верёвочек с крючочками золотыми тут не повесят. Да царствие да нам да всем да небесное!!! *(Плачет.)* Поможете нам, Григорий Иванович? Кто нам еще поможет? Некому. Мы вот сейчас все ка-ак встанем, ка-ак за коробочками сейчас сходим к помоечке и прямо ка-ак начнём-начнём паковаться сразу-сразу, да?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Я не могу, я болею, я обезножела.

ЖАННА. Так не пила бы, мамуля, раз болеешь.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Твой номер восемь, когда надо - спросим. Для матери родной говна пожалела? Объела я тебя, обпила. Так?!

ЖАННА. Тихо, тихо. *(Трёт клеёнку рукой, бормочет.)* Ой, Боженька, только бы не робить, всяку ересь собирает, мама мия. Сейчас начнёмте, товарищи, говорю, паковаться, слышите?!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. У меня нервы, мне надо выпить. *(Выпила таблетку, запила водкой.)*

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Берём на грудку!

Григорий Иванович опять начинает переливать то от себя, то себе, снова все долго: «Я чуть-чуть! Ой! Не надо! Я стану пьяная! Ладно!» Выпили. Софья Карловна закуривает. Григорий Иванович тоже взял сигарету из-за уха, закурил. Пауза.

У меня ремонт будет евро.

ЖАННА. Как - евро? Даже евро? Ну, вот, пожалуйста. А мы афоризмами торгуем. *(Пауза.)* Вот что, мамуль: пусть Костик берёт их, цветы, себе на квартиру и как хочет. Ой, у нас там такая нора с мамулей, «хрущёвка», стеснённость до миллиграмма, малюсенькие две комнатюшечки, мама мия. А у Гулькина - однокомнатная. Куда ему столько? Не хотела я, не хотела! Он, он, он задумал разъезжаться. Надо было просить «трёшку» и «двушку», плюс доплату, а мы? Костик завёлся! Зачем, паразитство проклятое?! Обдурачивают нас! *(Плачет.)* «Вот и вся!» – папочка сказал, что в переводе с украинского означает: «Вот и всё, кончилась моя на фиг жизнь!» И даже евро кому-то, а?!

Звонок в дверь. Тявкнули собаки. Одеяло на кровати зашевелилось, но тот, кто спит там, не

поднялся. Жанна идет открывать дверь, кошки бегут за нею – хвост трубой, за ними по обязанности ползут и собаки, роняя на пол слюни.

На пороге НИНА. Одето роскошно: высокие сапоги, песцовая шуба, кожаная с золотыми застёжками сумка, чёрные очки.

НИНА. Добрый день. *(Встала у порога, сняла очки, вертит головой.)*

ЖАННА. Вот тебе и, пожалуйста, мамуль, уже и хозяйева пришли. Ну, я вам скажу, эксплуататоры! Никуда не поеду. Вот моя деревня, вот мой дом родной. Вот качусь я с горки по горе крутой. Режьте, жгите, рвите, жучьте – не поеду. Как дам вам сейчас поджопника всем – будете лететь вперёд, пердеть и радоваться!

НИНА. А?

Софья Карловна и Григорий Иванович встали из-за стола, пришли в коридор.

ЖАННА. Да. Последнее моё слово. Мы дворяны и будем таскать коробки? Я итак расклейщица, пикетчица, агитатор. Не поеду. Рука больная! Меня, главно, неравноправие заедает! Некоторым – евро! А мы карячья! Обдурачили нас! Такую квартиру за так отдаём! Свобода, равенство, братство!

НИНА *(помолчала, снимает перчатки).* Ага. Понятно. А вы, когда вчера у нотариуса бумаги подписывали, уже это знали?

ЖАННА. Нет. Не знали. Не знала. Я была выпившая. Честно скажу. От отчаянья.

НИНА. Ага. Понятно. А когда свою новую квартиру смотрели – соображали?

ЖАННА. Я была выпившая.

НИНА. Ага. Понятно. Амнистия в дурдоме. А сейчас?

ЖАННА. И сейчас выпившая. И что?

НИНА. А она?

ЖАННА. И она выпившая. И он. С горя. От безысходности, тупика и отчаяния!

НИНА. Ну вот. Я ж не виновата, что вы обкумаренные алкоголики, «у» сказать не можете.

ЖАННА. Можем. У-у. В смысле, я принимаю самокритику. Мама слабая, больная, Костик самоустранился. Не поедет. Тут будет музей современного искусства. Музей рубай. Современного рубай. «Я кустик, стою в степи, одиноко и грустно, где ты, где ты, наше лето?» Вот так. К тому же у меня рука вот. Вертолёт. Собирать некому. Мы дворяны к тому же.

НИНА *(улыбается).* Не канает. Карте место. Теперь это моё.

ЖАННА. А?

Нина идет мимо Григория Ивановича, Жанны и Софьи Карловны на кухню, задержалась на секунду у тахты, смотрит на одеяло. Пошла дальше, открыла дверь, на неё падают знамёна, Жанна бросается, ставит их на место.

Григорий Иванович, Жанна и Софья Карловна, не сводя глаз с Нины, входят на кухню и садятся на диванчик. Нина осмотрела кухню, улыбнулась.

НИНА. Не канает, говорю. Вот ты и ты, зверь-воробей. И ты, пенс. Все пенсы, короче, идут сейчас на помойку, ага? Берут коробки и начинают своё барахло засовывать туда, ага? К вечеру я подгоняю машину, ага? Ну и отхоячимся друг от друга. Так?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Чтoб мудро жизнь прожить, знать надoбно немaло!

НИНА. А?!

Софья Карловна вдруг столбиком упала на диванчик.

ЖАННА. Обморок у мамули! Мы дворяны! Она хотела жизненные важные советы дать вам посредством Хайяма, а вы?! *(Поднимает, садит Софью Карловну, плачет).* Мамуля поэт!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Знайся только с достойными дружбы людьми ...

ЖАННА. Тише, мамуля, мы знаем, но когда такая ситуация, то приходится ...

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. У Сони мозг от испуга разжижился. Гы-гы-гы. А я ведь тут инкогнито. В смысле, я не тут живу.

НИНА. Я знаю, кто тут живёт, пенс.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Мне из агентства недвижимости обещали евро. Я бумагу для магазина не подпишу. Согласие моё надо. Ваши крысы и тараканы из вашего, так сказать, пункта питания ко мне, имеется в виду, поползут. Не подпишу. Евро. Я сосед сверху, Григорий Иваныч.

НИНА. Дикий ты, Григорий Иваныч. Давай, скинься в тубик, там сыро и прохладно. Обломайся. Гуляй. Ну? *(Пауза)*. На помойку обе две и ты до кучи. Тебе лично «чирик» дам. Коробки, спихать - вон. Завтра из Парижа привезут особым вагоном белый рояль. Так что вас тут уже не должно быть в потенции. Ну? Усвистали.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(улыбается)*. Париж. Тумбулянеже. А где мы виделись? Знакомы, да? А на грудку возьмёте с нами? У нас «детская». За новоселье? А то не будет в новом доме счастья, едрит твою копалку, гы-гы-гы.

ЖАННА. Ага, ага! Новоселье, а? Надо кошку было вперёд пустить, это необходимый аксессуар, такой афоризм есть, а то не срастётся. И обмыть, на сухую не выйдет! Пойдёмте, тяпнем?

НИНА. А?

ЖАННА *(смотрит на Софью Карловну и Григория Ивановича)*. Ну, да. Нет. Ну, пошлите, нет? *(Пауза)*. А вы?

НИНА. Что? *(Закурила, шубу не снимает)*. Я пока тут всё померяю рулеточкой, чтоб знать, где что поставить.

ЖАННА. Ну не знаю. У нас же тут вещи. Пропадёт ещё что важное из маминого наследства, какой-то этапный стих. Как мы оставим тут чужого человека? *(Помолчала, кричит)*. Ему дак «чирик»!

НИНА. Хорошо вы кондорить можете. Так. Всем по «чирику». Я открою окна.

ЖАННА. Нельзя. Цветам капут наступит, кошки выскочат.

СОФЬЯ КАРЛОВНА *(кричит)*. Ты лучше голодай, чем что попало есть!

НИНА. Это что, её так глючит?

ЖАННА. Она поэт! На неё творчество находит! Рубайи на все случаи жизни!

НИНА. Да и эту клинит всю дорогу. Ждать мне, когда вы от пьяного угара очухаетесь?

ЖАННА. Ждать.

НИНА. Жара, дышать нельзя. Фу. *(Сняла шубу, смотрит куда её положить, держит в руках)*. Это он там? Этот борзомерт вчерашний? Так по-хамски вёл себя у нотариуса. Пусть тоже идёт, лахмандей.

ЖАННА. Гулькин наш? Он не лахмандей.

НИНА. Какой Гулькин?

ЖАННА. Гулькин зовут. Его зовут. Он как родился, как раз голуби над окном – а тут низко – а они гнездо свили. Вот и Гулькин. Гули-гули-гули. Он спит. Он работал всю ночь. Он мамулечку и бабулечку содержит. Он их так любит - до смертулечки. А вы кричите! Вот какое у вас неуважение к человечеству! *(Пауза)* По «чирику» мало! Мы дошли уже обе,

афоризмы сочиняем! *(Рыдает.)* Вообще не надо нам ваши «чирики»! Платите за переезд и за упаковку – мы, так и быть, для вас сделаем. И деньги вперед. Или половину. Или часть.

НИНА *(курит)*. Ну ты и зоо, Гулькина. *(Пошла в коридор, к тахте)*. Эй, встаём. Вагон дальше не идёт. Контролёры.

Софья Карловна, Григорий Иванович и Жанна тоже встали у тахты.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Их там двое.

ЖАННА. Как – двое?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Утром в пять пришли, шебаршали, шебаршали, пыхтели, пыхтели. Я с сердцем загибалась, но слышала ...

ЖАННА *(плачет)*. Мама мия! Мамуля моя мия! Двое?! Вот худая какая девочка, под одеялом не видно! Вставай, девочка, поможешь паковаться! Ой, ему жениться надо, он большой вырос, слатенький мой сыночка, Гулькин, вставай!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Там не девочка.

ЖАННА. А кто?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(смеётся)*. Раз не девочка, то мальчик. Гы-гы-гы.

Жанна сдёрнула одеяло. Под ним - ПАША и КОСТЯ. Жанна завизжала, скинула гипс с руки и принялась лупить им по тахте.

ЖАННА. Эти его мать?! Как красиво, ой-ёй-ёй, сынок?! А по затылку тебя этим не ужварить, нет? Я кустарник, я стою посереде пустыни, я одинока!

КОСТЯ *(кричит, отбивается ногами, натягивает одеяло)*. Да что тебя надирает, отстой?!

ЖАННА. Я ж над тобой тряслась, как жид над говном, я ж тебе там разрешила работать только потому, что ты сказал, что ты не будешь с другой ориентацией! И что? Это кто тут оно? Тут же мама! Тут же Григорий Иваныч! Кошки и собаки тут! Бабайка, Манюрка, Чичирка, Шарик и Петрик! И ты при всех?!

КОСТЯ. Господи, как я устал, как я устал от вас, Господи ... Да дай спать, ты, дичь, орёт с утра!

НИНА. Уже пять вечера, голуби. Пора вставать. Ку-ку.

Костя выглянул из-под одеяла, смотрит на всех, кто вокруг тахты стоит.

КОСТЯ. Ну?

Встал, не одеваясь, пошел в туалет, зевает, чешется. Паша одеяло на себя натягивает. Собаки долго лают.

НИНА. Уезжать пора. Ку-ку. *(Смеётся)*. Вставай, вставай, штанишки надевай. Ку-ку. *(Сдёрнула с Паши одеяло)*.

ПАША. Ку-ку, ку-ку. Возьми в руку. Чё зыришь? Свободна. *(Снова закутался в одеяло)*.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(ржёт)*. Вставай, вставай, штанишки надевай! Тоже рубаи? Встать! В пять утра спецом входной дверью шабаркает, воспитание вот! Ишь, артист, на завалинке прокис!

ЖАННА *(повернулась к Григорию Ивановичу)*. Ну, всё, крокодил, спасай свою жэ - жизнь. Достал! Я включаю обсератор. Ты чего оструел тут? Какой всё ж таки отвратный он, мамуль, твой женишок этот, а?! И гыгыкает, и гыгыкает, шаньга! Ты, дуремар, баран, молью поцоканный – ты давно с банана слез? Что ты ржёшь, мой конь ретивый, дэбилло? Тебя позвали помогать паковаться, а ты подкальываешь! Я напоследок тебе телеграфирую: овцебык, судак мороженный, ты нас восемь раз затопил, а ни разу не заплатил, а мы тут карячились, ремонтировали из-за тебя!

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Оно и видно.

ЖАННА. Что тебе видно?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Что ремонтировали. А рука-то не сломанная была!

ЖАННА (*передразнивает*). А рука-то, а рука-то! Мало я тогда об твою голову стул сломала? Ещё, «арукато»? Стоит, главно, паразитство проклятое, смеётся над горем людским! Ну, правильно, ведь когда Дон Паскалио приходит к Марии, он ведь говорит ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. А?

ЖАННА. Да вчера ведь в кино по телевизору был ведь точь-в-точь такой же момент! Мамуля, ты почему не сказала, когда эту странность за ним заметила?!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Дак ты руку не ломала? Хотела, чтоб я всё одна, с ним? Ах, чёрная неблагодарность! Ну, Жаннета: посеешь зло, себя не проклинай - неотвратим твой страшный урожай. Страшный-престрашный.

ЖАННА. Ай, да хватит тебе, каша-малаша! Чванится, чванится, поэт, поэт! Да кончай ты это утрирование пафосом!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Ты кого поносишь? Главно, на меня полканов спустила, а?! Так, да? Сука ты, а не матрос, Жаннета. Вот и вся, доча, вот и вся, и всёшеньки тебе. Посеешь зло, доча, тогда, доча, ой, доча, всё, доча, ну, доча, да, доча, так, доча! Иуда продал, да повесился, а ты продашь и не повесишься!

В туалете вода зашумела, Костя пришел, лёг, укрывается одеялом.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Я пойду – мысль запишу. (*Ушёл в туалет, закрылся*).

ЖАННА. Сынок?!

КОСТЯ (*хнычет*). Дай спать?! Возьми в штанах денег, купи бутылку и отстань!

ЖАННА. Встань! Это другая ориентация!

КОСТЯ. У-у, мля, ориентация, слова выучила! Куда ему идти было ночью? Где тут лечь ещё у нас? Ну, что?

ЖАННА. А что мамуля говорит – вы пыхтели?

КОСТЯ. Да у мамули у твоей уже глюки от таблеток и водки! Глушит всё подряд, а потом на стенку лезет! Хватит мне «бэцэпэ» устраивать! Дай спать!

ЖАННА. Мамуля, так? (*Нине*). «Бэцэпэ» – значит, большое цирковое представление, понимаете? Она натура творческая, пригрезилось. Я б в конечном итоге не потерпела б в своём доме, ведь мама – поэт, мы – дворяны, тыу-пырдыу и так далее ... (*Роется в карманах джинсов, что на полу валяются*). Нет, люди посторонние что-то о нас подумают, что мы что-то не так, а у нас всё, как положено и никак иначе. Я этих вещей исключительно в принципе не позволяю. Ни разврата, ни наркотиков. Выпить – пожалуйста. Это норма, я считаю. (*Пауза*). Сынок, слатенький ты мой, ты, может, уже и наркоман уже? А, Гулькин? Покажи вены!

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (*пришёл, застёгивает ширинку*). Они в член ставят.

ЖАННА. Да? Ну пусть покажет!

Нина курит, хохочет, ходит по коридору.

О, Константин, пощади! (*Шарит по карманам*). Как я гордилась своим воспитанием! И что? Я кустик обоссанный, я стою и стою, дождь идёт и ветер, а я стою, как дура! А ну покажи! (*Нашла деньги, считает, в карман халата прячет*). Покажет он, как же! Дождёшься от него! Вот, на хлебушек нам с мамулечкой ...

НИНА (*смеётся*). Я такого концерта сто лет не видела. Я в отпаде просто. Классика! Ну, всё, нет? Наприкидывались? Теперь встали все и пошли. Ну?

КОСТЯ. Я спать хочу, отстаньте!

НИНА. Да мне фиолетово ваше «хочу». Вставать придётся. Я начальник тут.

ЖАННА *(плачет)*. Слатенький, вставай паковаться, она не отстанет!

КОСТЯ. Пакуйте сами, агитаторы! Отвали!

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Знайся только с достойными дружбы людьми ... Я вот умру скоро, умру, заплачете, да паровоз уехал ...

КОСТЯ *(кричит под одеялом)*. Да не заплачем! Лентяюга, я слышу от тебя это двадцать лет! Иди, собирай барахло, ну? Всё я за вас один должен?

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ *(шатается, идёт к Нине)*. Где я вас, всё-таки, видел, а?

НИНА. Я не пью в подворотнях, пенс.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Ведь вы Жужа, так?

НИНА *(помолчала)*. А бритвой по глазам? *(Тихо)*. Иди вон отсюда. Ну?!

СОФЬЯ КАРЛОВНА *(вдруг, твёрдо)*. Я никуда не пойду. Я помру скоро.

Пошла на кухню, села на диванчик, глаза закрыла, не двигается.

ЖАННА *(растерянно)*. Мамулечка, и что? И я одна должна карячиться?

НИНА *(рыкнула вдруг)*. Вон!

Жанна и Григорий Иванович схватили куртки, выскочили в подъезд. Григорий Иванович так и пошлёпал в тапочках.

Вышли на улицу, встали на тротуаре возле окна, топчутся, что-то говорят, ругаются. Жанна нагнулась, в форточку стучит матери, та не реагирует. Собаки лают.

Нина решила и повесила, наконец, шубу у входной двери. Достала из сумки рулетку, принялась ею что-то вымерять, быстро ходит по коридору, поёт:

«У дороги чибис, у дороги чибис! Он кричит, волнуется, чудак! ...»

КОСТЯ *(высунул голову из-под одеяла, нашёл сигареты, закурил)*. Тебе чего тут?

НИНА. Не тыкать.

КОСТЯ. Мы не уехали, чего тебе тут?

НИНА. Мне надо.

КОСТЯ. Слушай, амиго, наглость умерь? Кончай распальцовку. Тут люди живут, а ты лезешь.

НИНА. Кто люди? Вы? Он? Оно? *(Снова закурила)*. Так и будете лежать, голуби?

КОСТЯ. Ну и наглая, бикса.

НИНА. Я не бикса.

КОСТЯ. Ненавижу.

НИНА. Ой, да что вы? Интересный вы какой. Кого это?

КОСТЯ. Да такое вот быдло, как ты – из грязи в князи которое. А шуба на ней зажиточная! *(Смеётся)*. Хозяйва. Давно подъезды-то мыла? А сейчас – смотри, в джипе едет-разгоняет, мурло вонючее, бандюги, мафиозники. А как были говнами позорными, фунт дыма, отстой - так и остались. Не-на-ви-жу.

НИНА *(смеётся, ходит по квартире, меряет рулеткой)*. Да-а? Что, дорогой, дурной сон приснился? И виновата я? Обращайтесь к попке, которая рядом лежит. Тявкает, главное, баклан, шавка. Собирайся и уё отсюда. Буду ещё обсуждать с такими ... Лежит тут, питонит, хорошо ему, гляди. Отползай, сказала, или сейчас подъедет отряд омонцовцев и

выкинет тебя за руки, за ноги.

КОСТЯ. Да она пьяная, смотри, от неё за километр несёт.

НИНА. Кто? Когда? Где? Вам что, цветные? Поговори ещё так вот со мной, зоо.

КОСТЯ. И что? Пистолет достанешь? Испугала, бикса.

НИНА. Чухан. Зоо. Баклан. Горнист. Надену-ка я шубу, а то тут того и гляди ...

Нина надела шубу, ходит по квартире, меряет рулеткой углы, громко поёт.

ПАША (*из-под одеяла, хрипло*). Вырубил её, спать не даёт.

КОСТЯ. Нарисовалась, меряет, а сама в лоскут.

НИНА. Вонь развели! Ну, ничего. Завтра с утра тут – перестройка. Чтоб и не пахло. Мне закупать мебель надо, барную стойку, шторы, гардины, посуду ... (*Покачнулась, схватила рукой за стенку*)

КОСТЯ. Ненавижу.

НИНА. Говори, говори, революционер, мне фиолетово. Я не виновата, что вы все – вонючки. Жить, не умеете, работать, только стонать. Фу. Жара какая. Пропойцы. Ненавижу кошек - ворьё и предатели. Только отвернись – что-нибудь со стола сопрут, ходят, гадят. Собака ещё куда ни шло, не предаст. Только не эти тут. Эти тоже гадливые. Смотрят, главное! Что вам?

КОСТЯ. Даже кошек построила, сестра-хозяйка, ишь.

НИНА. Я войду сюда.

КОСТЯ. Иди. Смотри, чтоб родимчик не хватил. Там главная наша помойка.

НИНА. И войду. Это уже всё моё. И шубу не сниму. (*Костя смеётся*). Ей цена, как ледоколу «Ленин». А эти твари ещё на неё лягут.

Нина уходит в первую от входной двери комнату, что-то там делает, бодро и громко поёт. Костя смотрит на Пашу, смеётся.

КОСТЯ. Ты кто, амиго?

ПАША. Паша.

КОСТЯ. Здравствуй, Паша, радость наша. А я - Костя. Ты откуда?

ПАША. Из «Кенгуру». Мы там были. Я тебя знаю. Тебя «Костяк» зовут. Ты стриптизёр.

КОСТЯ. Правда? Раздеваюсь, что ли? За так или за деньги? (*Смеётся*). Чего спьяну не сделаешь. Ну и чего? Значит, знаешь меня? А я тебя - нет.

ПАША. Мы с тобой ночью ничё не делали.

КОСТЯ. Я пьяный был. А то бы, поди, чё сделал.

ПАША. Ты меня поцеловал.

КОСТЯ. А ты не давался?

ПАША. Почему? Давался. (*Смеётся*).

КОСТЯ. Я не «голубой». Пьяный был. Скучно было.

ПАША. Да ничё не было.

КОСТЯ (*пауза*). А чего ты улыбаешься?

ПАША. Так. Хорошо мне тут. Тепло тут. Хорошо.

КОСТЯ. Ты «голубой»?

ПАША. А ты? Танцуешь ты классно. Тело у тебя, Костяк, - супер.

КОСТЯ. Значит, ты «голубой».

ПАША. Может. А чё?

КОСТЯ. Ты прав. Ничё. Пошли, амиго. Пошли, порубаем. Спать не дадут. Скоро работа. И правда, собираться надо – завтра уезжаем, а я дрыхну.

Костя засунул руку под тахту, достал магнитофон, включил какую-то дурацкую и радостную музыку.

Костя и Паша встали, оделись, пошли на кухню. Софья Карловна всё так же сидит, закрыв глаза, за столом. Костя пошёл в ванную, ходит по квартире, по кухне, ящики выдвигает, находит кофе, наливает в чайник воду, ставит на плиту. Паша сидит за столом, зевает.

Садись, я кофе сделаю. Пей, ешь.

ПАША. А это - твоя череповка?

КОСТЯ. Бабуля. Притворяется, больная, чтоб не заставили работать. Кончай японскую забастовку, баб Сонь? Я с ней в контрах. Спит, ага. Бутылку достану - проснётся. Они – как растения. Кто польёт водичкой-дождиком, то и ладно. Палец о палец всю жизнь не ударили. Посуду помыть надо, они: «Голова болит!» Такой народ. Ещё сестра у меня была. Умерла.

ПАША. Умерла?

КОСТЯ. Давно. Семнадцать лет прошло. Как раз завтра. Нету. Стнила давно. Звали – Нина. Суицид. Шестнадцать лет было ей. Сахар на. Молока нету. Есть, но кошкам. Я их люблю.

Нина идет из комнаты. В коридоре выключила магнитофон. Открыла дверь на кухню, знамёна снова посыпались, одно сильно стукнуло Нину по плечу. Собаки лают.

НИНА. Да что это такое?!

КОСТЯ. Реквизит. Знамя. Мамкины. Для пикетов. Красивые. Хочешь, подарю? К «джипу» гвоздём примандюришь, будешь рассекать с ним по улице, а? Тыу-пырдыу, дыр-дыр-дыр, восемь дыр. *(Смеётся).*

НИНА. Вы почему смеётесь?

КОСТЯ. Чё, плакать?

НИНА *(молчит)*. Мне надо тут померить.

КОСТЯ. Померить как помирать. Может, мы поедем, потом?

НИНА. Что? Нет. Завтра начнётся ремонт. *(Пауза)*. Ладно, я повешу шубу сюда.

КОСТЯ. Да кинь ты её куда, тоже мне, ну. Кофе будешь, э, амиго?

НИНА *(помолчала)*. Тут грязно.

КОСТЯ. Осади. Да хватит, ну? Села, ну? Мы добрые, ферштеен?

НИНА. Тут грязно, говорю. Я в шоке.

КОСТЯ. Да ладно ты, сказал. Что ты, как бикса?

НИНА. Я не бикса.

КОСТЯ. Ну, раз не бикса, садись тогда, ну?

Нина села. Молчат.

СОФЬЯ КАРЛОВНА *(вдруг открыла глаза)*. Последняя просьба моя перед смертью: раз не будет музея, назовите магазин «Софья».

КОСТЯ. Магазин: «Софья: рубаи оптом и в розницу». Иди, пакуй приданое.

Паша нашёл бумажку и верёвочку на полу, связал их, трясёт перед носом рыжей кошки, та лапой пытается бумажку достать. Паша смеётся негромко.

НИНА (*вертит головой, смотрит на стены*). Тут будет ресторан «Пиано-бар». Живая музыка. Белый рояль. (*Достала сигарету, уронила её, подняла, прикурила*).

КОСТЯ (*улыбается*). Тут ведь грязь, а ты поднимаешь, Нина.

ПАША. Вовремя поднятая сигарета не считается упавшей.

НИНА. Откуда вам известно моё имя?

КОСТЯ. Ну хорош, а? Не играй. Нотариус вслух читал договор, заспала? Нина, Костя, Паша, в углу задвинутая - поэтесса баба Соня. С ней не общаться, она - мебель. Ну? Тебе сколько лет, Нина?

НИНА. Что?

КОСТЯ. Сколько? Тридцать три? Ну да. Я знал. Хорошо, что она умерла.

НИНА. Кто? Что?

КОСТЯ. Никто. Ничего. Чего смотришь?

НИНА. Кончайте «тыкать». (*Пауза*). А почему я вас только вчера увидела? Когда мы с мужем тут смотрели место, вас не было.

КОСТЯ. Меня не было. Дела-работа. Нам агент показывал наши квартиры. Мне плевать, кто покупает. Я хочу с ними разъехаться. Не хочу с ними. Достали.

ПАША (*смеётся, с кошкой играет*). Кошка смешная! Оп! Оп! Оп! Оп!

НИНА. А, да. Да, да. А-а, они ещё сказали тогда - сад вырастил наш внук и сын. Я себе представила такого ботаника - в очках, губошлёпа, сопливого, слюнявого, ходит, ноги волочит. «Костик», - они говорили, - «Косточка» наша».

КОСТЯ. Ага, Костик. Косточка ваша. (*Смеётся*). И потому не заинтересовалась.

НИНА. Да.

КОСТЯ. Пригубить хочешь? У меня запрятано. Коньячок. Пашка, ты? Похмелка, нет? Мне работать ночью, я не буду. (*Зевает*). Спать хочу, зараза. Ну?

НИНА. Нет.

КОСТЯ. Да. (*Смеётся, залез в какой-то шкаф, достал бутылку, наливает Нине и Паше*).

СОФЬЯ КАРЛОВНА (*открыла глаза*). Посеешь зло, себя не проклиная: неотвратим твой страшный урожай.

КОСТЯ. Нетушки, хватит на сегодня.

НИНА. Ну, разве что в честь новоселья. Хотя – нет. Ну, хорошо. Первое посещение. Точнее – приход. Чуть-чуть. Очень холодно на улице. Но я не ...

КОСТЯ (*Нине*). На. (*Паше*). Пей. Что ты зеваешь, чешешься, как верблюд?

ПАША. А сам? Спать хочу. Не миньжуй, не дербань меня.

Паша выпил, встал, пошёл в туалет, знамёна падают на него, он их не поднял, оставил лежать на полу. Нина быстро выпила.

НИНА. Буравит меня глазами. Сопляк отвратительный. Грязный.

КОСТЯ. Да? А мне нравится. (*Улыбается*). Ну, что, принцесса на горошине, самой не надоело? Играет. Всё, хорош. Я ж тебя видел. Не раз. В «Кенгуру».

НИНА. Где? В «Кенгуру»? А, да. Ну, да. А я думаю - знакомое лицо ...

КОСТЯ. Кошки, идите, дам молока. Ты простая, как три сарая. Играет, главно. И мужика твоего помню. Он мент, так?

НИНА. Что? Он там был без формы.

КОСТЯ. Лёгких девушек и ментов видно за километр.

НИНА *(помолчала, встала)*. А ну - вон! Расселись, сидят! А я выслушиваю оскорбления. Это моя квартира!

КОСТЯ. Некоторые напьются - всех целуют, а некоторые агрессивные сразу – в драку лезут. А я ей наливал. А она - скандалить. Ну, чего? Осади.

НИНА. Молчать! Одноклеточное! Я купила. Выматывайтесь!

КОСТЯ. Ой, мы прям все тут с кошками и собаками прям припали на очко со страху. Осади, говорю. *(Смеётся, ест, смотрит на Нину)*. Купилками машет. Обидульки кидает. Как хорошо, что она умерла.

НИНА. Что? Что?!

КОСТЯ. Да мне по фиг. Мы странно встретились и так же разбежимся. Живи - вас нет для меня. Уедем, не бойсь. Сейчас начнём собираться.

ПАША *(пришёл, сел, зевает, что-то ест)*. Чё за ор?

КОСТЯ. Ладно, не лезь, амиго, молчи, стрелка у нас тут забита, разборка, а ты под колёса лезешь. Видишь, какой паровоз едет, нет? Тух-тух-тух-тух-тух!

ПАША. Чё?

НИНА. Я ясно сказала, нет? Вон все!

КОСТЯ. Похрумкал? Ну, давай, амиго, если тебе не в крысу, сбегай к мамке на помойку, помоги там им коробки брать. А я пока с герлушкой поговорю.

ПАША. Думаешь? Ну, чё, щас, раз надо. Раз так. Я прогнусь, мне чё.

КОСТЯ. Прогнись, прогнись, раз невнапряг, «чёкаешь». И не шаркай ногами, сопли распустил, ботаник. Свинтил, ну? Ты ж пацан незадавалистый, нет?

ПАША. А?

КОСТЯ. Иди. И дверь в туалет открой, кошкам надо.

ПАША. Я приду. Мне тебе чё-то важное надо. Потом. Ага?

КОСТЯ. А то. Потом. Гуляй, амиго. Ноги поднимай.

Паша пошёл, высоко ноги поднимает, оборачивается, смеётся, надевает куртку, уходит в подъезд. В дверь навстречу ему вошёл Григорий Иванович, несёт три коробки из-под стирального порошка, хихикает. Бросил коробки, прошёл на кухню. Собаки снова лают.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Свежоповато! Цыть! Вспомнил. Жужа из кино, нет?

КОСТЯ. Вши заговорили. Да иди ты, кепа, отсюда.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Ишь, ага, кепа. Стою, понимаешь, как кустик, посередь полей и огородов. Стою, да, но вас помню. У внука кассеты - я их по-старчески, редко, по неспособности смотрю. Неспособность есть, а желание осталось. Он за шкаф прячет, а я нашёл. Развиваю воображение. И что? Все люди делают это. Кто не смотрит - у тех нет воображения. Внук так сказал, когда я выговор ему. Разрешено всё, что не запрещено. Я не знал, что так и так подразумевается, а я знал только про старый способ. Вас звали Жужа. Нет, я одобряю. Голосую обоими руками. Я - прикоснуться, имеется в виду. Я – за.

КОСТЯ *(молчит, смотрит на Нину)*. Ладно, сталинский сокол, настучал - вали.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Я исключительно из ясности.

КОСТЯ. А мы поняли, что ты из ясности. А зачем ещё-то? Топ-топ делай. Ну?

Вытолкал Григория Ивановича, идёт по коридору, машет руками. Сел в пустую коробку, смеётся, смотрит на Нину. Сложил ногу на ногу, курит. Кошки пришли, начали коробки обнюхивать.

Абзац! Народ любит своих героев. У нас в гостях звезды российского кино.

НИНА (на кухне). Это что за растение?

КОСТЯ. Шиповник.

НИНА. Цветёт.

КОСТЯ. Ага. Не по времени. А потом будут красные ягодки. У него биологические часы сдвинулись.

Софья Карловна встала, пошла в свою комнату, что-то бурчит. Нина закурила, пришла в коридор, села в соседнюю коробку рядом с Костей, тоже ногу на ногу положила.

НИНА. Ну и?

КОСТЯ. Да так.

НИНА. Спас, думаешь? Не надо. Я не из стеснительных.

КОСТЯ. Часто узнают?

НИНА. Никто. Если б узнали, я могла б много поведать - какие тайны? Нету.

КОСТЯ. Значит, было? Теперь скажи: один раз и всё, случайно, меня соблазнили, напоили, клофеину налили в кофе, ну?

НИНА. Клофелину, дорогой, кло-фе-ли-ну. Нет. (Смеётся). Думаешь, чтоб этим заниматься, надо в беспамятстве быть? Да ну. Зарабатывала деньги, амиго. Большие деньги.

КОСТЯ. Ты мне не амиго. И с клофеином знакома? Ясно. Клиентам подливала в коньячок. Как в газетах пишут.

НИНА. Подливала, амиго, подливала. Базара нет. Бабки. Они всё. Захочешь жратиньки - подольёшь. Готова дать прессконференцию, рассказать и адресок дать, где из «Нины» делают «Жужу», и где лавэ хорошие можно, не упираясь, заработать. Зовут его Миша. Начальник конторы. Надо телефончик?

КОСТЯ. Ага, не упираясь. Только ноги раздвигай. Им и мужики требуются?

НИНА. Только ноги раздвигай. Ай, да какой ты мужик? Барахло свинячье.

КОСТЯ. Да ладно ты.

НИНА. Да не ладно, а так и есть. «Ладнокает».

КОСТЯ. А муж-мент знает?

НИНА. Ещё бы не знал.

КОСТЯ. Кто ж это так себя не любит, чтоб с тобой жить? А-а-а! Он и вытащил! Спас из грязи! Взял убёгом! Был на задании, пушкой – бах! бах! – Нинку на плечо, бежать с ней, раз! – и женился! Как в сказке или в романе! А разве на таких женятся? Таких любят? Врёшь.

НИНА. Именно на таких и женятся, дорогой, и именно таких и любят, амиго.

КОСТЯ. Я тебе не амиго, сказал уже. Потаскала тебя жизнь. Нет, ну в порнухе сниматься, это надо было докатиться.

Кот пошёл в туалет. Сделал там всё в свою ванночку и начал громко скрести пол когтями, «закапывать». Нина смеётся, пепел на пол стряхивает.

Куда трясешь? Пепельница есть.

НИНА. Ой, правда? Что вы говорите? Тут ведь реанимация, чистота стерильная. Таракан на таракане трахается, а на них вши и блохи прыгают.

КОСТЯ. Повороты жизни, а? Теперь, значит, рестораном будешь руководить?

НИНА. Теперь, значит, в ресторане буду рукой водить. Да, амиго.

КОСТЯ. Я тебе не амиго, сто раз сказал.

НИНА. Да это я так, слово понравилось, красивое.

КОСТЯ. Значит, мент купил тебе ресторан? Здорово. Я его помню хорошо. Взгляд стеклянный. Как хорошо, что она умерла, как хорошо.

НИНА. Сейчас как каблуком в челюсть двину, салабон, допрос устроил.

КОСТЯ. Да за что?

НИНА. Да для профилактики, блин.

КОСТЯ. Да завянь, профилактика. *(Пауза.)* Торгашиха.

НИНА. Я не торгошиха.

КОСТЯ. Ну, порнушница.

НИНА. Большой дурак. *(Собаки лают).* Заткнитесь, уроды! *(Помолчала).* Скотина.

КОСТЯ. Порно жёсткое.

НИНА. А ты порно мягкое, «голубое».

Молчат, сидят в коробках. Нина затушила сигарету об пол.

КОСТЯ. Может, кофе хочешь?

НИНА. Не хочу я твоего кофе. Я хочу выпить, ясно? Развратные бабы пьют много, слышал? Тогда терпи.

Пошла на кухню, наливает себе полный стакан коньяку, пьёт. Смотрит в тёмное окно, на инвалида и женщину, которые всё так же просят милостыню у машин, на мальчиков-хлебопёков, которые сидят на крыльце пекарни, курят и смеются. Смотрит, улыбается, молчит. Костя встал из коробки, пришёл на кухню – долго-долго. От них хлебом пахнет. Какие красивые. Собаки ходят за Костей следом, виляют хвостами, смотрят ему в глаза, а кошки трутся об его ноги.

КОСТЯ. Ты ведь так ресторан-то свой и профукаешь, амиго? Крепко ты на стакане сидишь, да? Берегов-то не видишь.

НИНА. Я купила эту квартиру только из-за них.

КОСТЯ. Из-за кого?

НИНА. Мальчишки-хлебопёки. Выбегают на крыльцо покурить. В белых одеждах. Хочется подойти и поцеловать каждого – долго-долго. От них хлебом пахнет. Какие красивые.

КОСТЯ. Ты что, плачешь?

НИНА. Мерила там, везде пыль, вот - в глаза попало. Разболталась я.

Отвернулась от окна, смотрит на Костю. Сели оба за стол, закурили. Молчат.

А что тут за оранжерея? Мрак, темно, лиц не видать, вырастил, кретин.

КОСТЯ. Я не кретин. Тут три лампы горит, светло.

НИНА. А мне темно. Ну, а зачем такое вырастил? Так, стоп. Прошу прощения. Начинаю с начала. Прости. Прости меня. Извини, я несколько груба, мне надо прекращать ругаться, я матрона буду, поэтому ... Итак! Начинаю сначала.

Быстро выпрямила перед лицом ладони, помахала ими, выдохнула. Пошла по кухне.

Итак, что тут, дорогой мой, у вас растёт?

КОСТЯ. А?

НИНА. Я спросила, что растёт у тебя тут, Костик Гулькин?

КОСТЯ. Тут?

НИНА. Да тут, тут! Почему тут так всего много растёт?

КОСТЯ. Никогда ничего не выбрасываю. Болезнь. Не плачь. Не надо.

НИНА. А-а, понимаю. Это от постоянной нищеты, дорогой. Ну, и дальше?

КОСТЯ. Ну. Что ни посажу – всё вырастает. Это потому, что не вредный – так говорят. Съем яблоко – семечко ткну в горшок. Лимон – тоже. Подсолнух – тоже. Вот и растёт всё дуриком. Если б кошки не обжирали, тут вообще было б не войти. Там, в семечке - жизнь, не выкинешь - жалко, пусть растёт. Да плюнь ты на этого, он - гаплонт, Вася глюковатый, не плачь.

НИНА. Я не плачу, сказала! Ты - да не вредный, ага, вижу. Задира. А крапива?

КОСТЯ. На улице взял семечки, принёс, кинул. Растёт. Не вредный. Я не поливаю, бабка с матерью ухаживают. Да не плачь, сказал?!

НИНА. Заткнись, я не плачу! Дураки. Кретины. Дебилы. Идиоты.

КОСТЯ. Кто?

НИНА. Кто, кто. Да все вы тут, дети подземелья, сонное царство. И кошки поганые эти. И собаки замызганные, будто асфальт ими мыли. Ну, что они смотрят? Ну дай ты им покушать. Бедные гавгавки, они с голоду тут подышают, ну?

КОСТЯ. Да они лучше тебя питаются. Не хотят они жрать, на улку гулять хотят. Мать придёт, сходит с ними.

Нина надела шубу, пошла по коридору, пинает коробки, говорит громко:

НИНА. Вот эту стенку снесём! Эту тоже! Эту - выломаем! Тут – кухня, тут – зал, тут – гардероб ...

Нашла на полу карандаш, смеётся, муслит карандаш во рту, рисует на обоях двери. Язык от карандаша у неё стал синий.

О-о! Замечательно! Швейцар в ливрее. Столики с белоснежными скатертями! Ну, такая Мексика, знаешь. В центре - возвышеньице, на нём – белый рояль. «Пиано-бар». Рояль, пианист, музыка. Вечер, свечи, тихо. Шторы зелёные.

КОСТЯ. Гей-бар, что ли? Этот цвет «голубые» любят.

НИНА. Это цвет живого, мальчик. Играет пианист. Играет. Карандаш химический, горький, гадость, тьфу. Вот. Играет, играет. Я иду. Иду, иду. Хожу. Вам удобно? А вам? Курите. Вот пепельница. Не стряхивайте на пол. Тут прежние жильцы стряхивали на пол, а в «Пиано-баре», козлы, такого быть не может! Что, дорогие? Хорошо вам тут? И мне! Грязная потная жизнь решила мне рёбра сломать, но - нет! У меня гнездо будет. И тогда я начну радоваться, буду радоваться всему, потому что всё проходит, амиго, всё не вечно, всё не важно, остаётся в душе только радость, одна она! Если она есть, то жить можно. Сколько радости у меня впереди! Добрый вечер, добрый вечер, спасибо, я хозяйка, вам удобно, как я рада!

КОСТЯ. Да ну, запаadlo. Ты официанткой, что ли, будешь?

НИНА. Я хозяйка. Мне всё интересно, всё важно, я во всё суюсь.

Кинула шубу на тахту, упала на неё, курит, в потолок дым пускает, смеётся. Костя пришел в коридор, смотрит на Нину.

Ночью буду тут сидеть, лежать даже, одна, а пианист будет играть грустно-прегрустно. И красота. *(Пауза)*. Фу, ухамаздалась я. Жуть какая. Грязь. И что я завалилась, сбрендила? Налей ещё, он прячет выпивку. Сегодня нашла его заначку и напилась. В третий том Лермонтова доллары спрятал, идиот. *(Пауза)* Знаешь, какой жадный? К кому не пойдёт на день рождения – шоколадки только дарит, белые, старые. *(Хохочет)*. Но для меня – всё! Вот, ресторан купил ...

КОСТЯ. Себе он его купил.

НИНА. Молчать! Так, стоп! Не считово, начинаю с начала!

Встала, выпрямила перед лицом ладони, помахала ими, засмеялась.

КОСТЯ. Что заладила: не считово, не считово?

НИНА. Не считово и всё. Начинаю с начала и всё. *(Пауза)*. Что смотришь?

КОСТЯ. Смотрю, как ты с ума сходишь.

СОФЬЯ КАРЛОВНА *(вышла из своей комнаты, идёт по коридору, шаркает ногами, бормочет).*

Бог даёт, Бог берёт - вот и весь тебе сказ. Что к чему - остается загадкой для нас. *(Смотрит на Нину.)* Я вижу - ты умрёшь скоро. Я вижу. Правда. Я и внучке тоже говорила, не верили, я вижу, правда ...

Пошла в туалет, бормочет что-то, спускает воду в унитазе.

НИНА. Что?

КОСТЯ. Она больная, не слушай её.

НИНА. Нет, почему она так сказала? Нет, она зачем колдует? У меня радость впереди, а она?! Она почему так сказала?! Ты почему это сказала? Ты почему так сказала, старая дрянь, дешёвка?!

Бежит к туалетной двери, стучит в неё ногами, руками.

Ведьма! Ведьма! Ведьмулина чёртова! Я хочу жить! У меня радость! Я уйду от вас! Где дверь? Где дверь? Дайте мне дверь!!! Дайте дверь!!!

Стучит в стенку, в нарисованную дверь, бьёт ногами и руками.

Дайте мне дверь! Где мне выход? Дайте дверь! Дайте дверь! Дайте дверь!!!

Схватила шубу, столкнув кошек, которые уже улеглись на песцов, бежит к входной двери. Костя схватил её за руку, тащит на кухню.

КОСТЯ. погоди, стой, не обращай внимания, она сбрендила, она – отстой, я её стукну, хочешь? Она с приветом, ну?

НИНА. Я пошла! Дайте дверь! Мне нужно дверь! Пусти меня! Мне дверь!

КОСТЯ. Осади, сказал! Сядь! *(Тянет Нину за руку, садит за стол).*

НИНА *(кричит)*. Свет убери! Я не могу! Свет убери! Свет, свет, свет!!!

КОСТЯ. Тише, не кричи ...

Костя выключил лампы. Они потрескивают, остывая. Костя держит Нину за руки.

У тебя припадок? Припадок? Что?

НИНА. Она так испугала, испугала так ... *(Молчит)*. Ты – Костя, да? Я знаю тебя. Нет, не так. Я тебя полюбила тогда, в этом «Кенгуру». Ты – как Бог красивый.

КОСТЯ. Тише, всё, иди, поспи - мне надо собирать барахло наше ...

НИНА. Я сейчас уйду. Я посмотреть, я только посмотреть, тебя посмотреть ... Подожди, не двигайся, темно ... Я посмотреть пришла на твою кожу, глаза, волосы ... Стой, темно и я могу придумать, стой ... Я сразу, тогда, влюбилась. Ушли, спала с ним, думала – с тобой. Воображения мало у меня, как этот пенс сказал, но поднапрячься если – придумать можно. Танцующий мальчик в ресторане, кино на экране, красота, которую не потрогать, и вчера

вдруг увидела тебя снова, не поверила ...

КОСТЯ. Надо включить свет.

НИНА. Нет, ещё, стой! Посиди минутку, стой! Поддержи меня, поддержи меня, тихо и хорошо стало, будто идёшь-идёшь по морозу и входишь в лето: вокруг снег, а тут - бабочки летают, жёлтые одуванчики, трава, листья. Я люблю тебя, амиго. Нет, не тебя, а всех мальчишек-хлебопёков, в тебе которые, люблю ...

КОСТЯ. Ну, всё. Всё, не надо, потом стыдно будет, ты выпила, иди, поспи ...

НИНА. Нет, стой так, стой, милый мальчик мой, Бог мой, я люблю тебя ... Так красивую вещь любят, игрушку, цветок. Ты как куколка, красивая куколка, её хочется поцеловать, поиграть с ней и забыть, забыть - так надо. Хочется куколку! Я не тебе говорю, ботаник, а тельцу твоему, твоей молодости и жажде твоей – она в глазах, она от мамки с папкой от твоих, которые на помойке на этой, в грязи, вырастили цветок. Это шиповник? Колючий. *(Пауза)*. Всё.

КОСТЯ. Что?

НИНА. Ничего. Всё. Не считово, начинаю с начала. *(Смеётся)*. В детстве приду домой с лыж - вся в снегу, лыжи поломаны. «Сколько раз упала?» – мама говорит. Я: «Ни разу». «Как?» «А так». Потому что перед тем, как в дом войти, перед дверью я сказала: «Не считово. Начинаю с начала». А это значило, что ничего, что до того было – не было. Ясно? Не было ничего. Не падала ни разу. Всё абгермахт. *(Посмотрела в окно, улыбнулась, повернулась к Косте)*. Советую. Помогает.

Провела ладонями по лицу Кости, поцеловала его, встала.

КОСТЯ. Я ...

НИНА. Тише, я пошла, я выпила, мне весело, не надо, «но комментар»! Я только посмотреть пришла, я только посмотреть ... Я сейчас скажу: не считово, начинаю с начала и не буду помнить ни слова из того, что сказала тут. Этого просто не будет, потому что не было для меня. Так просто. Как с этим пенсом, он взял и напомнил, а я не помню. Этого не было. Потому что тогда – год это продолжалось - после всего, я сказала себе: «Не считово! Начинаю с начала!» Есть в компьютере такая кнопка – «Delete» - нажал её, и всё стёрлось. Так и я. А с завтрашнего дня я вообще стираю всю прежнюю жизнь! Сегодня я только посмотреть ... Глупый амиго. Думаешь, обо мне, что я и в летнюю распродажу осталась лежать, и в зимнюю тоже, а в весеннюю меня выкинут на помойку? Не выйдет! Думаешь, здесь - камень, не сердце? Думаешь, только у тебя тут птичка? Нет, амиго. Канарейка, амиго, тут, она поёт и поёт! Правда, она постарше твоей, но голосок у неё не охрип! Я буду жить! *(Снова поцеловала Костю. Тот молчит, не двигается.)* Очень красивый. Я люблю тебя. Я только посмотреть пришла, я только посмотреть ... Я люблю тебя. *(Пауза)*. Что молчишь?

КОСТЯ. Жду.

НИНА. Чего? А всё. Конец. Враньё. Наврала. Не было этого. Я - за красивое враньё. Красиво врать разрешается, чтоб было не так, как есть, а как должно быть. И если это грех – пусть Бог накажет меня. Но это не грех, я знаю, я видела Бога. Я видела его. Я его даже поцеловала. *(Смеётся)*. Смотри!

Встала, включила свет, закрыла лицо ладонями, потом развела ладони в сторону, сказала громко:

Не считово! Начинаю с начала!

КОСТЯ. Что?

НИНА. Чао! Что в переводе: прощай, амиго. За слово это - спасибо. Будь здоров, амиго. *(Смеётся, пошла к входной двери)*. И откуда у парня испанская грусть?

Звонок телефона. Нина на ходу взяла трубку, надевает шубу.

Алло? Что? Нет. Я случайно взяла трубку. Чувствую тебя, зайчик ... Смеюсь? Весело тут. Как догадался? Ну, я тут рассматриваю, чтоб завтра ... А? Сотовый не работает. Я забыла накормить мою девочку. Ну, купить карточку, козлик! Зачем, сама приеду. Не надо! *(Положила трубку, упала на тахту, смеётся)*. Сейчас явится. Следит. Любит меня. Думает, что это любовь. А я ненавижу даже, когда он рядом дышит. Что сделаешь – я всегда искала финансово ответственное лицо на мероприятие. Ну, хорошо, хоть доведёт до дома, не ловить машину.

НИНА кинула шубу на пол, встала на неё, смеётся. Пошла на кухню, налила, выпила. Села на диванчик, вертит головой, курит, оттопыривая пальцы в сторону.

Вот эти цветы просто грандиозные. Поразительно. Ошеломляюще. Гениально. Великолепно. Изумительно. Блистательно. Восхитительно. Чудесно. Это что?

КОСТЯ. Бессмертники.

НИНА. И что? У них тоже биологические часики навернулись? Вдуматься: ты испортил сотне живых существ жизнь. Они живут без часов, не понимая, когда цвести, когда ронять листочки. Растительная жизнь. О, мне давно надо дать звание профессора! *(Смеётся)*. А это - капуста?

КОСТЯ. Резеда.

НИНА. Резеда?

КОСТЯ. Резеда.

НИНА. Я посажу возле моего ресторана пятьсот штук резеды, триста тюльпанов, семьсот роз, и вечнозеленые пальмы. Они будут стоять у входа в стеклянных пирамидках от холода! *(Смеётся)*. Вычислил, следовательно. Сейчас ревизор отчитает, что сбежала из дома. Потом укольчики, врач, чик-чик, полный опять порядок и я снова - люблю только его. Да! Бутылка водки и я безумно влюблена. *(Хохочет)*. Сейчас я ему сыграю побитую собаку! Ай, я больше не буду! Какая дебильная морда у этой Моськи! Сейчас у меня такая же будет! Киса, не двигайся, я тебя скопирую! *(Хохочет)*. Врёт твоя карга. У меня впереди - море радости и магии! Я буду жить и всё будет только так, как должно быть, не так, как есть ...

КОСТЯ. Ты зачем это сделала?

НИНА. Что?

КОСТЯ. Зачем говорила это?

НИНА. Что? Правда? Что-то говорила? Не помню. Не может быть. Не было ничего. Начала с самого начала. С самого! И ты давай тоже! *(Хохочет)*.

КОСТЯ. Зачем?

НИНА. Неужели, амиго, ты поверил? «Ночевала тучка золотая на груди утёса великана ...» У нас с тобой ничего быть не может. У нас нет, и не будет, и не может быть будущего. Посмотри – кто ты и кто я, и как между нами что-то может быть. Нет, я, может быть, и хотела бы, но ... *(Смеётся)*. Смазливая мордашка – по улице таких тысячи ходят. Если я вдруг разнюнилась, то ... Нет! Я снова сильная и снова в форме!

Встала, качнулась, села. Звонок в дверь. Костя бежит открывать, на пороге Паша с коробками в руках. Костя схватил его за руку, тащит на кухню.

КОСТЯ. Так, кинь тут, иди сюда. Сядь. Хорошо, пришёл. Мне надо сказать что-то важное Нине, лучше при свидетелях.

ПАША. Чё?

КОСТЯ. Не «чёкай», сказал, сельпо. Тихо, Нина, сядь.

НИНА. Что?

КОСТЯ. Нина, мне очень сложно. У нас разница в возрасте, но если любовь ... Паша, она думает, что дело только в моём согласии. Но я согласен.

ПАША. Чё?

КОСТЯ. Павел, у тебя не Морозов фамилия? Нет? Ну и молчи. Я хочу объясниться в любви женщине, а ты тут?! Она не знает, как я влюблён. С того, первого раза, когда она пришла в «Кенгуру», я ждал и ждал её! Я люблю её! Я обожаю её! Ответь, Нина! Зачем тебе тот, кого не любишь? Мы созданы друг друга!

НИНА. Это шиповник?

КОСТЯ. Ответь?!

ПАША. Кончай ты херомантией заниматься, чё ...

КОСТЯ. Помолчи! Она не знает, как я влюблён в неё! Вчера у нотариуса, когда она вылетела из «Мерса», а я грустный стоял на крылечке и увидел её, сигарета выпала у меня, мне стало плохо! Так пахло от неё! Духами, имеется в виду. Вчера я не мог сказать ей, я онемел от восторга и вдруг вижу её и вот, и вот!!!!

ПАША. Кончай ты, а? Чё?

Софья Карловна выглянула из туалета, смотрит на Костю. Костя побежал в коридор, вскочил на тахту, кричит:

КОСТЯ. Моё сердце сгорает! Я вижу, как она сидит тут в «Пиано-баре» долгими вечерами, рыдает от одиночества! Никто не сможет дать ей то, что могу я!

ПАША. Всё, хорош, на работу тебе пора, пошли. Чё, ну? Плачет, идиот.

КОСТЯ. Нина, я жду? Я сказал всё. Ты хочешь быть моей? Я люблю тебя!

НИНА. Этот цветок очень красивый ...

КОСТЯ. Я люблю тебя! Понимаешь?!

НИНА *(подошла к Косте, смотрит ему в глаза).* Бог сжалился? Так быстро? Бог мой, Бог ...

КОСТЯ. Осади. *(Спрыгнул с тахты, помахал ладонями перед лицом.)* Не считово. Начинаю с начала. *(Пауза).* Всё. Выпьем ещё. Э, амиго, иди, пей. *(Пошёл на кухню, Нина следом, Паша тоже. Костя сел, пьёт коньяк.)* Не пойду на работу. Буду пить. Хочу пить, пить, пить и пить. А что все молчат?

ПАША. Ты чё?

КОСТЯ. Я сказал: не считово, начинаю с начала. Я просто начал с начала. Вот, минуту назад начал свою жизнь с начала. А что? Одним можно, а другим нельзя? Можно. Сейчас начнём уложение. Пашка, поможешь? Жалко уезжать. Когда тут будет ресторан, приду, кину в окно бутылку с «Молотовым-коктейлем», и пусть сгорит всё - моё помойное детство, Нинка-покойница в гробу, белый рояль, пианист и мент, да и весь дом - всё, всё. *(Смеётся, пьёт).* Ты жизнь живёшь на черновик, девушка, так? А потом - всё начисто? Какая там кнопочка на компьютере? Жизнь – не компьютер. Так не бывает, амиго. Сразу набело всё. *(Пауза.)* Ну? Шутка была. Пошутить нельзя? Тебе лзья, мне нельзя? Ты богатая, а я бедный - поэтому? Это концерт был. Консумация - раскрутка клиента на выпивку. Можешь заплатить за концерт. Не откажусь.

НИНА. Заплатить?

КОСТЯ. Да не отказался бы. А чего? Давай.

НИНА. На.

Достала из сумочки пачку денег, подала Косте.

КОСТЯ. Давай. Не надо так трагично, амиго. Или ты отловилась? Поверила? А говорит: я

с таким опытом, я с таким опытом! И такая она то светлая, то грязная, такая разная, такая всё знающая. Такая-растакая. А я вот взял и тебя как лягушку под микроскопом разрезал, разглядываю, простой мальчишка короткоштанный. Ясно, почему мыкаешься - тебя облапошить, как два пальца. Наивняк. Получила? Мне тебя не жалко ни капли.

СОФЬЯ КАРЛОВНА (*пошла по коридору*). Меня философом враги мои зовут ... Вырастила урода, что говорить. А девочку закопали.

КОСТЯ. Тихо, ты, дурко старое, надоела! Сенкью, Нинон. (*Считает деньги, суёт в карман рубашки, смеётся*.) Может, за такие бабки я продолжу концерт? Для Пашки, ему нравится, как я раздеваюсь, ага? Итак, Павлик, представь себе ночь, «Пиано-бар», в баре сидит Нина. Обиженная на Костю, на мента, на весь мир, одинокая гранд-дама. Сидит у освещённого окна. А нельзя сидеть у окна освещенного ночью – придут кулаки и выстрелят из обреза. Павел Морозов это знает! Итак, сидит она, и тут дверь открывается и ...

Входит Жанна и Григорий Иванович, несут коробки. Жанна кинула коробки на пол.

ЖАННА. Гулькин, мне больше всех надо? Таскаю за всех, мама мия!

КОСТЯ (*хохочет*). И тут дверь открывается и входит пьяная барменша, которая всегда делает недостачу. Ну, что лезешь в лаптях, мать моя, мама мия?

ЖАННА. Ага, я отдувайся. У меня давление! Вы уезжать собираетесь, нет?

КОСТЯ. Мы тут останемся, будем жить в щелях, по-тараканьи.

НИНА. Она сказала, что я умру скоро, да?

ЖАННА. Ну дак, мамуля очень глазливая. Как скажет, так и будете. Так и будет, имеется в виду. Мамуля талант во всём, кроме паковатьсь если.

КОСТЯ. Иди, налью. Глянь, сколько я заработал, из дому не выходя. Зелёные!

ЖАННА. Слатенький, Косточка моя. Вот Ниночка была бы, вот Ниночки-то нашей нету ... (*Плачет*). Годовщина завтра, отпраздновать надо. В смысле - отметить, выпить, как говорил товарищ Хайям ...

КОСТЯ. Как хорошо, что она умерла ... Сели все! Где баба Соня? Сюда!

Включил музыку на всю громкость, крутанул зеркальный шар, зайчики запрыгали по стенам. Побежал по комнатам, выгнал в коридор всех кошек и собак, находит Софью Карловну, тянет её за руку в коридор. Бегает, смеётся. Схватил банку с водой, вылил её на пол в коридоре, разгоняется и катается, как по льду, по воде, по доскам крашенным. Паша заражается его весельем, надел Нинину шубу, тоже бросился кататься, потом запрыгнул на тахту, подскакивает на ней.

Круши, вали! Прощальный вечер! Ура! Не считово! Начинаю с начала! Ура!

Собаки лают, прыгают. Костя побежал на кухню, снял с подоконника горшки с цветами, дёрнул раму, раскрыл окно. Холодный белый воздух валит в комнату. Костя снова прибежал в коридор, вскочил на тахту, танцует. Уцепился за турник, который в дверном проёме установлен, подтягивается, хохочет. Начинает раздеваться – снимает с себя рубашку, брюки, умирает от хохота. Все стоят, смотрят на него.

Костя натанцевался, выключил магнитофон, притащил коробку на кухню, сел в неё. Паша пришёл, тоже с коробкой, сел возле Кости, с другой стороны.

Садись, амиго. Как мне жить насрать, депресняк какой... Я пьяный, я в санях, мне по фиг всё ... Будем смотреть, как всё сворачивается, переезжает отсюда само по себе ... Мы только посмотреть ... (*Бормочет*). Всё на фиг. Конец старому ... Начинаем с начала. Всё ... (*Паше*). Ты чего как собака бездомная ходишь? Уходи уже, ну? Дай мне накинуться, холодно, блин, ну?

Паша снял с себя шубу, накинул Косте на плечи, снова сел в свою коробку. Молчат, смотрят в окно. Холодный воздух ползёт из окна в квартиру. Нина пришла, встала в дверях кухни. Тоже смотрит в окно.

Чего вы все пристаёте ко мне, как мухи, чего лезете, отвалите все, оставьте меня, ну?!
Жанна повертела головой, притащила коробку из коридора, рядом с Костей села, зарыдала.

НИНА. Я ведь только посмотреть, только посмотреть, посмотреть ...

ЖАННА. Гулькин, я сегодня снова видела её. Косточка, не поедим, а?

Софья Карловна пошла в туалет. Григорий Иванович голову чешет, озирается, чего-то сказать хочет.

КОСТЯ. Молчи, мама, молчи, молчи ... Собирайся, уезжаем ...

Снег летит в окно, посыпает цветы, листья, землю в горшках. Нина села на пол, за спиной Кости.

ЖАННА. Собираться? Я соберусь тебе, мама мия! Бензином оболую всё, сыночек слатенький ты мой, спичкой чиркну и сама сгорю, в центре сидеть буду, как царица! Я, Гулькин, соберу барахло, сыночек, раз хочешь! На вот тебе, смерть проклятая, на вот, на вот тебе, сдохну скорей, сдохну!

Хватает какие-то вещи, суёт их в коробки. Рыдает. Накрылась пустой коробкой, как черепаха, поползла по коридору. Софья Карловна идёт из туалета в свою комнату.

СОФЬЯ КАРЛОВНА (*бормочет*). Я скоро, я быстро, я умру скоро ...

Пришла к себе, легла на кровать, руки на груди сложила, смотрит в потолок.

КОСТЯ (*бормочет*). Не считово, начинаю с начала ... Не считово, нет ...

Звонок. Григорий Иванович побежал, открыл дверь. На пороге в форме полковника милиции Аркадий - пьян в усмерть.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (*быстро*). А уже всё, товарищ командир! Мы тут не «тумбулянеже»! Порядок уже. Уже расходимся. Уже собрались. Мы – всё. Девочки, кончай билебердак, подъём!

Аркадий проходит в квартиру, видит Нину. Взял Нину за шиворот, поднял, встряхнул, притянул к себе. Смотрит ей в лицо. Она смотрит в его лицо. Молчат. Паша курит, смотрит в окно, улыбается, слёзы по лицу кулаком растирает.

Кошки запрыгнули на подоконник, ходят по нему, смотрят на улицу, хвосты поднимают, но выйти на мороз боятся. Одна кошка принялась какой-то цветок жевать.

Бабочки полетели в окно, к свету неоновых ламп. Они от этой тёплой полосы, что на улице, прилетели в квартиру, от тепла проснулись, жить им недолго, скоро совсем уснут, но пока - летают, на цветы, на снег садятся.

Мальчики-хлебопёки ушли в пекарню. На крыльце пекарни пусто.

Темнота

Занавес

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На следующий день к вечеру. Окно на кухне закрыто. На кухне шкафов и стола нет, только горшки с цветами. Листья на цветах пожухли, пожелтели, почернели - осыпались, упали. Торчат голые прутья. Нет сада. А зелёная трава за окном, на теплотрассе, даже, кажется, подросла со вчерашнего.

Полкухни занимает закрытый серой тряпкой рояль – видны только его резные ножки. На тряпку поставили тарелки, стаканы – на рояле уже ели и пили. Двери в комнаты открыты, в комнатах вещей нет, коридор весь забит до потолка пустыми и полными коробками с барахлом. Кошки и собаки бродят в этом лабиринте. Тахта, что в коридоре стояла, на попу поставлена, разорвана, труха из неё сыпется. Зеркало со стены сняли, поставили на какую-то коробку у стены. В дверях комнат стоят шкафы, стулья, столы – ни войти, ни выйти. Всё вывезли, осталось на полмашины вещей – то, что принадлежит Косте. Вещи Жанны и Софьи Карловны уже увезли, кажется. Впрочем, всё перепуталось, ничего не понять.

Паша спит в одной из коробок, накрылся Нининой шубой, только ноги торчат – он и не уходил никуда. Костя - в коридоре на полу сидит, курит. Перед ним - коробка, он в ней вещи перебирает, рассматривает. Письма, тетради и бумаги какие-то нашёл в этой коробке, читает.

Нина – трезва, сидит на кухне за роялем, откинула тряпку, тычет пальцем в клавиши. На Нине опять какие-то умопомрачительные тряпки, а шею она закутала в сиреневое боа из куриного пуха.

Софья Карловна в своей комнате, на кровати лежит, глядит в потолок. Жанна сидит на её постели

в ногах, смотрит на мать, плачет.

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Ты от кого его родила? Он в кого такой, а?

ЖАННА. Вот и вся, вот и всё, папочка ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Слушай, Жанна, ты в кого такая клиническая? Собирает всё, мелет – ты в кого уродилась? Ты, что ли, моя дочка? Нет, ты уличная. Совсем пусто в голове. Ты почему и откуда такая дура? Скажи, дура набитая? Ребёнка уморила, девочка умерла. Ведь ты же виновата, а?

ЖАННА. Я не виновата, мама, ты за что? Мама, не бросай меня ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Вот и всё. Вот и вся. Как же мне умирать, как же тебя тут, дуру такую, одну оставить на свете. Ты ведь совсем дура, Жанна, а?

ЖАННА. Мама, стой, не бросай меня ... Мама ...

СОФЬЯ КАРЛОВНА. А ведь Бог есть, Жанна, есть, доча ... Я думала – нету и вдруг поняла – а ведь есть. Вот я умираю, он меня забирает, потому что он знает, что мне нельзя с начала начинать, уезжать, понимаешь? А вот ты давай, доча, поезжай, тебе ещё не поздно. Скажи молитву: «Господь Бог навстречу, Богородица на плечи, ангелы по бокам, не поддамся врагам ...» Скажи и поезжай, и с начала начинай, начинай ...

ЖАННА. Это, мама, рубаи?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Рубаи, рубаи. Скажи и поезжай. И поезжай. Не забудь.

ЖАННА. Мама, слатенькая ты моя, ну - что? Ну, хватит. Поднимайся, а?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Скажи и поезжай. И поезжай. (*Бормочет*). Господь Бог навстречу, Богородица на плечи, ангелы по бокам, не поддамся врагам ... (*Села на кровати, смотрит в стену*). Вспомнила вот. Жили в деревне ещё, и вот думаю я: как я одна буду картошку копать? И вдруг снится мне мой покойный Сергей, муж, и он говорит мне: «Не бойся, я тебе помогу выкопать». И ясно, ясно так. Я проснулась, встала, всё обошла в доме – никого нету. Вышла, посмотрела на огород с картошкой, разделила его на четыре части в голове и за четыре дня сама всё потихоньку и выкопала. Вот так он помог мне. Ты маленькая была, не помнишь. А говорят – Бога нет. Ну, как нет, когда есть?

ЖАННА. Да ты про что, мама? Как в войну было? Или после? Ты что вспомнила такое, а? Ты заговариваться начала уже, что ли, мама?

СОФЬЯ КАРЛОВНА. Мужики всегда раньше баб умирают, закон. Он гульнул раз, я его не простила, он ушёл и помер. А потом приснился и вот так он мне помог. Надо же. Это Бог был, а я не поняла. (*Легла, смотрит в потолок*). Господь Бог навстречу, Богородица на плечи, ангелы по бокам, не поддамся врагам ...

ЖАННА. Мама, а? Ну – а? Ну, хватит, а? У тебя что за идея-пункт возникла? Заговаривается, а? А был такой ясный, прозрачный ум, ну? Давай, кудельки тебе сделаем, губки покрасим, ты же всегда любила, ты почему так враз сразу вот, а? Хайяма почитай, нет? Или своё? Давай, пошли, а? Мама, а? Ну – а? Ну – а?

Софья Карловна молчит. Жанна плачет, встала с постели, пошла в коридор, увидела своё отражение в зеркале, охнула.

О, Господи?! Думала, кто стоит. Это кто это там? Это я, что ли? Или кто? Как с креста снятая. Пятый раз уж на себя испугалась. Зачем его сюда поставили? (*Смотрит на Костю*). Ну и что, Гулькин, сидишь? Открыл окно вчера, вот бабушка простудилась, вот помирает. Ты виноват. Ты, ой, Боженка мой, беда какая!

КОСТЯ. Не помрёт. Врёт опять всё.

ЖАННА. Как врёт, когда в этот раз правда, я же вижу? Паразитство проклятое, ты всё!

Из-за тебя! Вот, Гулькин, на страшном суде засудят тебя. Спросят тебя: «Делал?» А ты скажешь: «Нет!» А весы-то раз! – и перетянут! Они ведь всё знают! Он-то - всё знает! Знаешь, кто? Вот! Раз! – весы и перетянут и тебя черти за ноги – хватать! - и потащут на сковородку! Ой, ой, ой ...

КОСТЯ. Пусть помирает - пора уже. Все подохнем – ни сегодня, так завтра.

ЖАННА. Ты бы хоть бы успокоил меня бы, сказал бы – не помрёт она или что-то кудрявое, а ты? Ну дак чё – сама виновата, не рожает свинья бобра. *(Плачет)*. Ой, как не помрёт, когда отъезжает, всё. Организ кончается. Мама, не бросай меня ... Костик, не поедем, а? Я снова видела её. Косточка, не поедем, а?

КОСТЯ. Молчи, мама!

ЖАННА. Нет, Костя, опять. Опять будто какие-то полати, доски не струганные, она, Нина, в каких-то тряпках лежит, маленькая. Одеядло старое, красное. Я положила её, повернулась, пойти хотела, а она: «Мама, не бросай меня ... »

КОСТЯ. Ну, не надо, мать, прошу тебя, не надо ...

ЖАННА. Нет, сынок, я слышала. Она сказала: «Мама, не бросай меня ...»

КОСТЯ. Мама, её косточки сгнили давно ...

ЖАННА. Она сказала: «Мама, не бросай меня ...» Она не хочет, чтоб мы уезжали. И кошки сядут каждый раз и сидят, смотрят на дверь в ту комнату, в её комнату, сидят, шерсть дыбом, будто чувят что. Сынок, Гулькин ты мой, слатенький ты мой, она ходит тут?

КОСТЯ. Никто не ходит тут, мама, молчи, никто, мама ...

ЖАННА. Она сказала: «Мама, не бросай меня ...»

КОСТЯ. Молчи, мама, молчи ... Сейчас машина придёт. Загрузим её и вперёд.

ЖАННА. Никуда не поедем! Вот где наши вещи? Куда их увезли? Кто-то приехал, весь дом мой поднял, разломал и увёз, и я вот – тут, стою на ветру, как кустик, кусточек, веточка, былинка, а, Костик?

КОСТЯ. Уйди, мать.

ЖАННА. Не уйду! Баба помрёт, ты виноват будешь!

КОСТЯ. Опять «бэцэпэ». Я не виноват.

ЖАННА. А кто виноват? Кто гнездо наше разворошил, разворонил? Я ж думала – понарошке, не по правде, потом будет, как надо. Кто виноват? Опять я?

КОСТЯ. Опять ты.

ЖАННА. Ага, я крайняя. А эта что там делает? Пикает и пикает на уши. Мужик у неё страшный какой – прям смерть будто приходила. Ты хоть её не пои, а?

КОСТЯ. Тебе налить?

ЖАННА. И мне не надо. Ничего не надо. Помру я тоже. Всё прахом. Ничего нету. Вот и вся. Вот и вся.

КОСТЯ. Это что за коробка?

ЖАННА. Ты её где нашёл?

КОСТЯ. Что тут?

ЖАННА. Тут?

КОСТЯ. Тут, тут.

ЖАННА. Вещи Ниночкины.

КОСТЯ. Ты их почему не раздала? Тогда ещё, давно? Вещи покойников раздают, ты их почему не раздала?

ЖАННА. Не раздала разве? Не раздала вот. *(Роется в коробке)*. Вот они, вот она, слатенькая, деточка моя, царствие небесное, Господи, какое маленькое всё было у деточки моей, и это я помню, и это, и это ... Мама, не бросай, говорит, а я вот, уеду вот ...

КОСТЯ. Почему не раздала, спрашиваю, дура ты такая?!

ЖАННА. А?

КОСТЯ. Тебя спрашиваю?

ЖАННА. Гулькин, ты как разговариваешь? Ты кого душой называешь?

КОСТЯ. Тебя, кого ещё-то! Выкинь это на помойку.

ЖАННА. Я тебе выкину, змеёныш. Я тебе выкину. Я тебя за ноги, за руки и самого выкину. Оставь мне это, у меня больше нету ничего, только это осталось!

КОСТЯ. Не трогай. Уйди, оставь. Не трогай, сказал! Оставь!

ЖАННА. Сынок, ты в кого такой уродился злой? Ты почему такой злой стал, сынок? Я не люблю тебя, сынок, не люблю совсем, вдруг поняла – не люблю тебя, чужой, плохой. Ой, беда, вот и вся, вот и всё, вот и вся ... Такой красивый ты, сынок, а такой плохой ... Ты в отца, в него ...

КОСТЯ. А кто мой отец, ты хоть знаешь, дура такая?

ЖАННА. Знаю. Так тебе и сказала. Думай, что Дух Святой. Вот кто. Плохой ты. Плохой ... *(Идёт в комнату к Софье Карловне, села на кровать, руки на колени положила, плачет)*. Господь Бог навстречу, Богородица на плечи, ангелы по бокам, не поддамся врагам ... Мама, ну что? Встань? Рубаи прочитай, а? Так весело было с тобой, мама, а? Мама, не бросай меня, а?

КОСТЯ *(бормочет)*. Дура старая, старая дура, надоели, сдохните все ...

ЖАННА. Ну, смотри, мама, какая я хорошая дочка, я помню: «Знайся только с достойными дружбы людьми, с подлецами не знайся, себя не срами». Ну, мама? Вот и вся. Всё смеялись, шутили, жить собирались, думали впереди много, а уже конец, так, что ли? Дак это ж понарошку было, неправда? Это ж не настоящее было, нет? Теперь нам что - Господь Бог навстречу, ангелы по бокам, так, что ли? Нет, не поддамся врагам, нет, не поддамся, не поддамся ...

Костя пошёл на кухню с коробкой в руках. Поставил коробку на пол, включил свет, смотрит на Нину.

НИНА. Не надо.

КОСТЯ. Пусть горит.

НИНА. Что?

КОСТЯ. Ничего.

НИНА. Чего надо?

КОСТЯ. Ничего.

НИНА. «Уходи с дороги, птица ...» Вы ещё не уехали? Давайте, мотайте, надоели.

КОСТЯ. Хватит.

НИНА. Что тебе, любитель острых ощущений? Тебе ещё горячее чего-то надо? Тебя нет, ты умер вчера. Поезжай. Испарись, исчезни. Я вызвала пианиста, он мне сейчас сыграет.

Придёт, да, настоящий музыкант, он сыграет, я хочу, чтобы эти стены огласила подлинная, великая музыка. Чтобы она смыла всю грязь с этих стен. Сейчас придёт музыкант, я вызвала, я заплатила, я купила, я жду не дожусь, когда вас, мрази, тут не станет, ненавижу, вся Россия ваша – мразь. И я знаю, отчего тут только мразь выживает. Нет солнца над землёй. Вот уже четыре недели – серое небо, нет солнца. Его просто нет. От того все русские такие больные и злые. Нет солнца! Нет!

КОСТЯ. Чёкнулась.

НИНА. Я? Может. Знаешь, как правило с ума сходят очень порядочные люди, так сказал мне один знакомый психиатр, он знает. Вот и я с ними. Подлецы не сходят с ума. Живут.

КОСТЯ. Не капай на нервы со своей музыкой.

НИНА. «У дороги чибис, у дороги чибис ...» Это русский мотив. Гадкий какой у нашей великой родины мотив. Никаканный. Отвратительный. Раздражающий. Ладно, гуляй. Иди вон.

КОСТЯ. Хватит, сказал.

НИНА. Я дома. Мне нужно. До вас мне дела нет. Вся Россия встала у моих окон и просит подаяние – дай, дай, дай, побирушки! Не дам. Не дам. Никому ничего не дам. Мне самой мало. Убирайтесь. Всех не обогреешь. «Казак летит, казак спешит, казак не может отдохнуть ...» Выключи свет, сказала!!!

КОСТЯ. Пусть будет.

НИНА. Ну, что? Что надо тебе, что?

КОСТЯ. Ничего. Так. Злой я, да?

НИНА. Что?

КОСТЯ. Да вот, говорит тут кое-кто так. Так?

НИНА. Не знаю. Мне всё равно. Всё, что было до того – не считово, всё с начала, всё с начала, всё с начала, всё с начала ...

КОСТЯ. Ладно. Давай с начала. И я тоже с начала, с самого начну. Ты прости меня, что я вчера так. Прости.

НИНА. «У дороги чибис! Он кричит, волнуется, чудак! Ах, скажите, чьи вы?! Ах, скажите, чьи вы?! И зачем идёте просто так?! ...» А что ты вчера?

КОСТЯ. Кончай придуриваться. Прости. Мы уедем, больше никогда не увидимся и потому напоследок я ... Короче – прости, сто раз - прости.

НИНА. Не знаю о чём он. *(Тычет в клавиши пальцем)*. Отвратительный мотив. Отвратительный. Он сам звучит, я удивляюсь даже, как это так получается. Он в воздухе тут. Я утром начала с начала. Ничего не помню.

КОСТЯ. Прости, сказал. Ну?

Подошёл, закрыл крышку рояля, смотрит на Нину. Она смотрит на него снизу вверх.

НИНА. Нет, он не отвяжется. Не знаю, за что прощать. Но - пожалуйста. Простила.

КОСТЯ. Ты наврала мне или правда?

НИНА. Что?

КОСТЯ. Что ты – любишь меня? Нет, что я тебе нравлюсь? Ты говорила вчера, говорила, говорила, я помню? Так?

НИНА. Так. Ты красивый. Правда. Я люблю тебя. Вернее, любила. Хотела радости. Но как часто бывает – ошиблась. Самое ужасное в жизни – в ком-то разочаровываться. Вот я и

разочаровалась. Но это вовсе ничего не значит. Всё равно ты тут останешься. Нет, не ты, а как тебе объяснить – мальчик-хлебопёк, которого я выдумала. Я его буду целовать каждую ночь и любить. Есть жизнь – эти стены, бардак и есть главное – когда выключается свет, и я могу себе представить, как должно быть. Вот там – нарисованная дверь и там ты придуманный есть, а тут – есть ты не придуманный. Там я люблю тебя, тут - нет. Выдумка. Вымысел. Фантазия. Магия. Там. Ну вот, я опять выступаю с лекцией. Извини. Это я сама себе. Это сложно понять.

КОСТЯ. Хочешь войти туда? Выключить свет?

НИНА. Зачем? Пусть горит. Я всегда не тут, а там.

КОСТЯ. Враньё всё это. Неправда. Выдумка. Любви нету. Что ты рисуешься, загадку из себя строишь? Ты блядь обыкновенная, Нина, сеструха милая, вот кем ты стала, понимаешь?

НИНА. Да, да, стала, да, да, любви нету. Есть выдумка. Фантазия. Магия. Там.

КОСТЯ. Нет, не фантазия, а враньё.

НИНА. Думай так.

КОСТЯ. Ладно, давай, колись.

НИНА. Что?

КОСТЯ. Это ты, скажи мне?

НИНА. Кто – ты?

КОСТЯ. Сама знаешь.

НИНА. Кто?

КОСТЯ. Кто, кто. Ты моя сестра, которая умерла тогда, давно. Так? Это ты? Ты не умерла тогда, да? Не умерла, я знаю. Ты лежала тогда в гробу, я стоял рядом и я знал, что ты притворяешься, спишь, глаза закрыла и смеёшься над всеми, кто тут был. Ты не умерла тогда, да?

НИНА. Мёртвые только в театре на поклон поднимаются из гробов. Тут – нет.

КОСТЯ. Ладно врать, говори правду - юлит, врёт, ну? Ты? Ты пришла специально, чтобы отомстить нам всем, да?

НИНА. Я ничего не понимаю.

КОСТЯ. Не понимает, ага, как же. Не может быть, чтоб было просто так. Ты – она, так ведь? Не может быть, чтоб в день её смерти тут появилась бы Нина, которой столько же лет, которая похожа на неё, пришла бы именно Нина, та, кто нас выселяет отсюда – ведь это ты?

НИНА. Пощупай лоб, наверняка, он у тебя горячий. Ты что-то нафантазировал, а мне не нравится эта твоя выдумка и слова о смерти. Я – не она. Ну, давай, если у тебя настроение на прощание поиграем - во что-то другое. Даже можно во что-то страшное, ведь ты сейчас уйдешь в те двери со своим скарбом - какое слово хорошее, гроб будто уносят, старую жизнь мою будто в гробу уносят – уйдёшь в те - не в эти двери - со своим скарбом. Иди, скарабай ... *(Смеётся)* А я скажу – не считово, начинаю с начала, и это будет действительно начало новой жизни ...

КОСТЯ. Это ты.

По тротуару идёт старик с палочкой. Шёл, шёл, остановился – легонько стукнул палкой в окно, стекло задребезжало. Нина и Костя смотрят в окно.

НИНА *(быстро)*. Выключи свет!

Костя выключил свет. Темно. От фар проезжающих машин с улицы по стенам едут какие-то блики, тени. Старик снова стучит в окно палкой. Нина и Костя не двигаются. Старик потоптался на месте, пошёл дальше по тротуару, всё так же во все окна квартиры палкой тихонько постукивая. Жанна в комнате Софьи Карловны посмотрела на окно, голову опустила, плачет. Полумрак в квартире, тихо. Нина и Костя молчат. Смотрят в окно на освещённую уличным фонарём теплотрассу, на зелёную траву и на бабочек, которые не спят в ночи, а всё так же трепещут крыльшками над тёплой землёй.

КОСТЯ. Это ты.

НИНА. Не я.

КОСТЯ. Ты.

НИНА. Нет.

КОСТЯ. Ты.

НИНА. Не пугай меня.

КОСТЯ. Ты. И эту коробку я недаром нашёл. С твоими вещами.

НИНА. Коробку?

Нина встала на колени. Чиркнула зажигалкой, достаёт из коробки шкатулку, камешки, одежду, бумаги, рассматривает их, будто поджечь хочет, притрагивается ко всему.

Шкатулка, обклеенная ракушками ... Я забыла, что такие бывают ... Надо же ... Это, моя, из детства ... Папа привёз с курорта, из Крыма. Да? А это?

КОСТЯ. Куриный Бог.

НИНА. Камешек с дырочкой. На счастье. На веревочке. *(Смеется, встала с коленей, повесила Костю на шею веревочку с камешком, смотрит ему в глаза).* Я таких тогда на море нашла много, привезла домой целую сумку ...

КОСТЯ. Твоя. Твоя коробка.

НИНА. Ты с ума сошёл. Ладно. Хочешь поиграть? Давай. Сейчас можно. Темно. Можно. Мы будто там, за дверью. Считай, что я – это она. Сейчас придёт машина, вас увезут. У меня начнётся всё заново, с начала, и потому - поиграем, если так хочешь. Ведь я люблю игру. Я люблю красивую неправду.

КОСТЯ. Ты – она? Да? Бывает же какое-то переселение душ или какие-то совпадения, да? Какие-то чудеса, да? Ты – она? Она?

Нина оторвала от боа пёрышко, дунула и пёрышко полетело, как бабочка. Ещё одно оторвала, ещё и ещё. Сиреневые пёрышки полетели по комнате, упали на голые ветки цветов.

НИНА. Господи, сколько у вас мусора всякого. Я не люблю мусор. Даже когда пепельница с окурком, я сразу бегу её выбрасывать. Тут что-то на подсознании работает. И вся эта упаковка. Её столько стало - мешки, какие-то пакеты, полиэтилен, всякая химия, резинки какие-то, всего этого теперь так много. Зачем помидоры оборачивать пленкой и продавать? Мусор. Мусор везде. Мне это надо выкинуть всегда, и не просто в ведро, а из дома вынести и выбросить. У меня чесаться всё начинает, если в доме много мусора ... У вас надо всё вынести. Выкинуть, пыль, грязь, выкинуть эту грязную жизнь или можно от неё с ума сойти, с ума сойти ...

КОСТЯ. Ты – она?

НИНА *(смотрит в окно).* До чего же все жить хотят, боятся попасть под машину, бегут через перекрёсток, как зайцы. Как осточертела мне их борьба за свою жизнь. Ну, зачем она им?

КОСТЯ. Ты - она?

НИНА. Я пока не сошла с ума, но очень хочу сойти. Чтобы ничего не оценивать, ничего

не понимать. Жить растительной жизнью, пусть меня кормит кто-то с ложечки. Не звери, поди, не дадут умереть. Только чтобы ничего не соображать и чтобы вот тут не стучало в голове – тук-тук-тук, с утра до ночи.

Взяла горшки, стала выдирать из них замёрзшие цветы, кидать на пол, а землю горкой в центре кухни высыпать. Один горшок высыпала, второй, третий. Холмик сделала. Смеётся.

Да, да, я с ума сойти хочу, надоело думать, не могу и никак нельзя выключить тут вот какой-то краник, вентиль, ручку повернуть какую-нибудь ... Знаешь, продажной стать просто. Просто что-то отключаешь в голове – это можно, а это нельзя, и всё. Ну, как убийца – он говорит: «Нет законов, можно всё», и убивает. Мне сегодня приснился сон. Будто голос с небес сказал вдруг: «Нельзя портить тёплую руку». То есть, нельзя сразу после убийства идти грабить, воровать, нужно ждать какое-то время ... Очень странно, что этот голос мне был предназначен. Я никого не убивала, никого не грабила и вообще никому не сделала плохого, никогда в жизни, но меня Россия не любит, у неё мотив свой, другой, не мой.

КОСТЯ. Ты – она?

НИНА. Помнишь, я когда маленькая была, меня ударила по голове дверца от шкафа, сорвалась вдруг, и ударила. Я испугалась, что с ума сошла и я сразу давай повторять таблицу умножения: дважды два – четыре, трижды три – девять. Всё сказала правильно и поняла, что не сошла с ума. И сейчас не сошла. Вот, скажите наоборот цифры от десяти? Ну? Нет? А я – пожалуйста: девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль. Ноль. А ты не можешь? Значит – ты сумасшедший. Я – нет.

КОСТЯ. Ты – она?

НИНА (*чиркает зажигалкой, ходит по коридору, смотрит на стены, гладит их*). Господи, как тут хорошо. Как тихо, как спокойно, начало пути, начало нового, как красиво, тени, тени, тени ...

КОСТЯ. Ты – она?

Старик возвращается по тротуару, стучит во все окна палкой.

Женщина прошла, коляску с ребёнком везёт, колёса со спицами – спицы в темноте сверкают, проехали колёса мимо окон. Девушка идёт в сапогах на высоких каблуках - стучат по асфальту, покают каблочки. Старуха идёт с авоськами, тащит их – тяжело ей. Мальчишка прошёл – тяжёлый портфель с книгами и тетрадями тащит. Вот кто-то (не понять кто) саночки тянет, на саночках ящик какой-то лежит – гроб, кажется. Гроб, что ли? Гроб. Гроб.

Нина и Костя смотрят в окно, смотрят и молчат, смотрят - будто кино перед ним, театр какой-то, в котором видно не полностью актёров, а только их ноги и обувь.

Ты она.

НИНА. Ты так хочешь? Да.

КОСТЯ. Ты – она. Ты – она. Ты – она. Здравствуй, Нина. Здравствуй.

НИНА. Здравствуй, Костя. Здравствуй. (*Пауза*). Вот видишь, ты так хотел этого, а сказать тебе нечего. Так всегда. Бежишь, бежишь, а куда?

КОСТЯ. Что ты делала эти семнадцать лет?

НИНА. Долго рассказывать. После. (*Смеётся*).

Нина снова в коробке роется. Что-то достаёт из неё, смеётся, зажигалкой чиркает, рассматривает. Пошла на кухню, оторвала знамя от дровяка, укуталась в него, хохочет. Ходит по квартире между коробок, сдирает обои со стен: берет кусок, тянет на себя, отрывает, как кожу, с треском, кидает на пол. Роняя горшки с землёй, открыла окно на кухне, полезла на улицу, пробежала по тротуару, вошла через подъезд в квартиру, смеётся. Снова полезла в окно, снова входит через подъезд в квартиру.

Где окно, там у меня будет дверь! Как хорошо! Можно входить через окно! Холмик – могила старой жизни! (*Смеётся*). Что? Ты хотел поиграть со мной? Ну? Расскажи, как ты

жил эти годы, что делал длинными летними, длинными осенними, длинными весенними, длинными зимними вечерами? Почему не играешь, не говоришь со мной?

КОСТЯ. Мне, и правда, сказать нечего. А думал, что скажу.

НИНА. Куда ты смотришь?

КОСТЯ. Туда.

НИНА. Туда? Мальчики-хлебопёки ушли и смотреть в окно незачем, не на что, не на кого ...

КОСТЯ. Фонарь стоит.

НИНА. Фонарь?

КОСТЯ. Там. Через дорогу. Вот, расскажу тебе. Фонарь утонул в грязном сугробе. А тут, на этой стороне, железка эта. Она от ограждения осталась, корявая. Тут авария была пять лет назад, машины врезались, три трупы, машины стукнулись и прямо почти в наши окна въехали. Эта железка из этого окна выглядит, будто человек в сугробе. Я сижу тут, нет – сидел раньше, свет выключу и смотрю, как он, человек этот железный, через сугроб лезет к фонарю, и думает, что там, в тумане – не фонарь, а звезда. Лезет и лезет, а сам стоит на месте, лезет и стоит, стоит, не двигается. Если, даст Бог, он доберётся, этот Железный Дровосек, перейдет через улицу на ту сторону и задерёт голову, то увидит, что шел он всю жизнь не к красивой звезде, а к пошлому фонарю. Он тогда страшно огорчится.

НИНА. Красиво! Как интересно с тобой играть! Красиво как! И правда, железка эта похожа на человека. Играем дальше? (*Стоит на коленях перед холмиком с землёй, из горсти в горсть пересыпает землю стружкой*). Сыграем в будущее. Сыграй с сестрой – теперь ты долго не увидишься с ней. Да, да, сыграем в будущее! Начнём. Но, если что не так – помни: не считово, начнём с начала. Я сяду на рояль, чтобы видеть сверху моё богатство, мой новый чудный мир ... Вот он! Всё моё! Итак, ты пришёл через много лет, когда мир и порядок на всей моей земле, когда Россию замело снегом, закружило, занесло по крыши, но тепло в домах осталось, а в тепле люди живут, и солнце стало светить над Россией, и люди стали улыбаться, стали добрее. И тут, в «Пиано-баре», тоже улыбочивые люди живут, и вот приходишь ты ко мне однажды зимой,ходишь ... Ну?

КОСТЯ. Давай.

Нина влезла на рояль, ходит по нему, тарелки и стаканы на пол толкает, они падают и бьются. Нина смеётся.

НИНА. Будто звон курантов в Новый год – красиво как! Итак! Ты пришел сюда через много лет. Итак? И что?

КОСТЯ. Я пришёл через много лет. Итак. Итак.

Костя пошёл по коридору. Останавливается, рвёт обои на ленты. Раз, другой, третий. Увидел себя в зеркале. Провёл рукой по лицу. Отвернулся от зеркала.

Надо же. Я тут родился. Рос. Ненавидел это всё тут. Никогда не чувствовал, что мне чего-то тут жалко. Не жалко было. Никогда. Ни капельки. А сейчас вот ... Глаз замылился, не видел грязной этой красоты ... Ладно. Евроремонт. Тут везде. И я появляюсь. Здравсьте. Здравсьте. Пустите. На мою помойку меня пустите? Можно? Здравсьте. Зеркала кругом. Чистота кругом. Здравсьте. Никого нету, а я со стенками здороваюсь. Кошки, вы где? Нету. Собаки, вы тут? Нету. Мама, ты где? Бросила меня. Баба, а ты? Тоже. Здравсьте. Здравсьте. Здравсьте. Нету никого. С кем я здороваюсь, дурак. Никого и ничего нету. Здравсьте. Этой стенки нет – тут столы стоят.

НИНА. Этой нет, а тут – кухня.

КОСТЯ. И этой нет. И этой. Тут – пусто. Тут – тоже. И тут. И тут. Сад стоит из пластмассовых цветов. Береза пластмассовая, лимон, резеда, лук, бессмертники, герань,

В коридоре проснулся Паша, идёт на кухню, тащит за собой шубу по полу. Встал в проёме двери. Молчит. Свет включил.

Что?

КОСТЯ. Ты говорила что-то.

НИНА. Говорила?

КОСТЯ. Нет, показалось. Нам показалось, пригрезилось в темноте.

ПАША. Я всё-всё слышал. Было, я слышал.

НИНА. Вот, хлебопёк пришёл.

КОСТЯ. Иди отсюда, не твоего ума дело.

ПАША. Ты за что её обижаешь?

КОСТЯ. Иди отсюда, сказал, одноклеточное.

Паша подходит к Косте и вдруг бьёт его. Снова и снова бьёт его. Костя не сопротивляется. Паша сорвал с шеи Кости Куриного Бога. Кинул в окно, стекло разбил. Молчат. Костя сел в угол, плачет. Паша ударил его в последний раз, стоит, молчит. Озирается, будто что потерял, смотрит на Нину.

КОСТЯ. Ну ты и баран, баран ты, Паша, баран, баран, отстой... Ничего не понял, баран ... Берегов-то не видишь ...

НИНА. Ты зачем это сделал?

ПАША. Надо.

НИНА. Зачем? Паш, ты за что его? Ты его зачем?

ПАША. Он ведь тебя обижает.

НИНА. Ты зачем? Я не просила. Не надо. Ты сейчас же попросишь у него прощения, да, прощения! И поцелуешь его, слышишь?! А я тебя поцелую, ну?! Иди сюда. Ты так похож на этих мальчиков-хлебопёков. Иди, поцелую. Ну?

Паша подошёл к Нине, она поцеловала его.

Вот так. Ну? Не плачь. Маленький какой. Будто сын. Сын пришёл, парень такой, качок. Спасибо, детонька. Тебе расчесаться надо. У меня расчёска есть. Дать?

ПАША. Не надо. Я пять лет не расчёсываюсь.

НИНА. Не расчёсываешься? Почему? А-а, понятно. Потому что не надо. Ну, всё. Всё, иди. Помиришь с Костей и ступай. Ступайте оба. Ступайте, и помолитесь за меня, амиго ... Помолись, ага?

Паша сел на пол рядом с Костей, толкнул его в плечо.

ПАША. Ладно, всё, Костяк. Ладно, всё.

НИНА. И когда я умру, не надо плакать. Когда я умру, не надо плакать. У смерти есть цветок тебе. У смерти есть цветок тебе ... У смерти вырвала я клочок! От смерти жизни жди другой! Какие-то стихи вот вдруг, ага? Бред, бред, стойте ...

Звонок в дверь.

Вот спасение, спасение, звонок, спасение! Это тапёр! Сейчас будет музыка. Костя, не плачь. Ну, что же вы оба расхныкались? Отчего плачете? Я не переносу чужих слёз! Хватит! Прости меня! Стойте все! Сейчас красиво станет! Костя, сейчас не будет больно! Если красиво – не больно! Будто мы там! Там! Красиво! Красиво!

Кинулась по коридору, открыла дверь. На пороге Григорий Иванович.

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Я извиняюсь. Это не тумбулянеже. Я к чему: я вас не впуссу с вашими вещами. Я подъезд гвоздями забью. Вот машина ихнее барахло заберёт и я сразу

дверь забью. (*Вдруг завизжал*). Блядво! Евро обещала! Бумагу дашь и напишешь, что это, это и это оплатишь! Ворвалась в жизнь, топтать! Пока евро, решётки и так далее не будет – не впущу!

Паша встал, ударил Григория Ивановича. Тот хрякнул, хрюкнул, завыл. Паша вытолкнул его за дверь, дверь закрыл, дышит тяжело. Молчит, смотрит на Нину.

ПАША. Правильно?

НИНА. Слушай, хлебопёк, ты чего сегодня размахался? Тебя кто просит? Я вижу, можешь. Всё, стоп. И у него сейчас будешь просить прощения, и у него, и у него, и у кошек, и у собак. И у всех, слышишь? Ему же больно?

ПАША. Ему не больно. Таким не больно.

Пауза. Снова звонок в дверь. Нина и Паша смотрят друг на друга.

ПАША. Звонок?

НИНА. Звонит телефон?

ПАША. Тебе показалось. Что ты сказала сейчас?

НИНА. Я говорила?

ПАША. Нет?

НИНА. Звонок. Открой дверь.

Паша открыл дверь. На пороге стоит Тапёр.

ТАПЁР. Добрый вечер.

НИНА. Здравствуйте. Вы тоже из пекарни. Да?

ТАПЁР. Да, да. Что? Нет. Мне сюда, нет? Меня вызывали? Сказали – поиграть? Нет?

НИНА. Сюда. Быстрее сюда! Там – рояль. Садитесь и играйте. Вас как зовут? Вы из пекарни?

ТАПЁР. Меня? Я? Да. Нет. Нет, из консерватории ...

НИНА. Ну да, не важно. Играйте, играйте, играйте!

ТАПЁР. Что?

НИНА. Что-то грустное. Что-то очень, очень грустное! Какой-то красивый русский мотив! Что-то грустное, грустное! И всепобеждающее! Что-то прекрасное, что-то русское, ведь есть же у нас что-то прекрасное, есть?! Играйте, играйте, играйте!

Парень сел, начал играть на рояле, при этом успевает испуганно вертеть головой, оглядываться, рассматривать кухню.

Паша слушает музыку, потом заплакал, снова сел рядом с Костей, прижал его к себе, бормочет ему на ухо что-то. Нина бежит по квартире, смеётся, плачет.

Вот хорошо. Вот как хорошо! Помирились. Порядок. Не считово! Начинаем с начала! Начинаю с начала! Надо быстрее. Надо торопиться. (*Смеётся, сдирает обои*).

Пауза. Звонок в дверь.

(*Хохочет*). Звонок! Люди идут и идут! Открыто! (*Кричит*). Двери открыты! Двери открыты! Все двери открыты!

Дверь открылась. Вошли грузчики, молча взяли коробки и ящики, выносят в подъезд. Нина схватила одного из грузчиков за рукав.

Эй, амиго ... Послушайте, амиго, эй ... Вы что такие мрачные? Надо радоваться! Всё хорошо, начинаем с начала, ну? (*Шепчет*). Эй, амиго, помолись за меня Богу ... Эй?! Кто слышит? Не слышите, нет? Ведь всё не считово ... Начинаю с начала ... Не считово ... Начинаю с начала ... Думайте о радости, только она остаётся, только она одна, слышите?!

Тапёр играет всё быстрее и быстрее.

Нина открыла окно, морозный воздух плывёт с улицы в квартиру. Нина села возле рояля, глаза

закрыла, от музыки, от восторга смеётся и плачет.

Жанна матери глаза закрыла, накрыла её белой простыней. Сидит в темноте, молчит.

В открытую дверь вошёл Аркадий - он снова в форме полковника милиции и снова пьян в стельку. Он прошёл на кухню, видит Нину. Взял Нину за шиворот, поднял, встряхнул, притянул к себе. Смотрит ей в лицо. Она смотрит в его лицо. Молчат.

Нина вырвалась. Пошла в коридор. Горстка сиреневых перьев осталась в руке у Аркадия.

Паша курит, обняв Костю, смотрит в окно, улыбается, слёзы по лицу кулаком растирает.

Нина подошла к нарисованной на стене двери, толкнула её, дверь открылась и - Нина исчезла.

Кошки пошли в открытое окно – хвост трубой подняли. Идут на улицу, оглядываются, будто зовут всех за собой туда, на зелёную траву, в лето, в тепло, к одуванчикам.

Мальчик-хлебопёк вышел из пекарни. Он стоит на крыльце и курит быстро – он в белых штанах, в шапочке, без рубашки, на плече у него татуировка, ему жарко там, в пекарне, было, он курит быстро, смотрит в темноту.

Не докурив, кинул сигарету далеко в снег, сигарета звёздочкой полетела в сугроб и - быстро погасла.

Темнота

Занавес

Конец

июнь 2002 года,

с. Логиново